

Русский фольклор

"Как на тоненький ледок..."

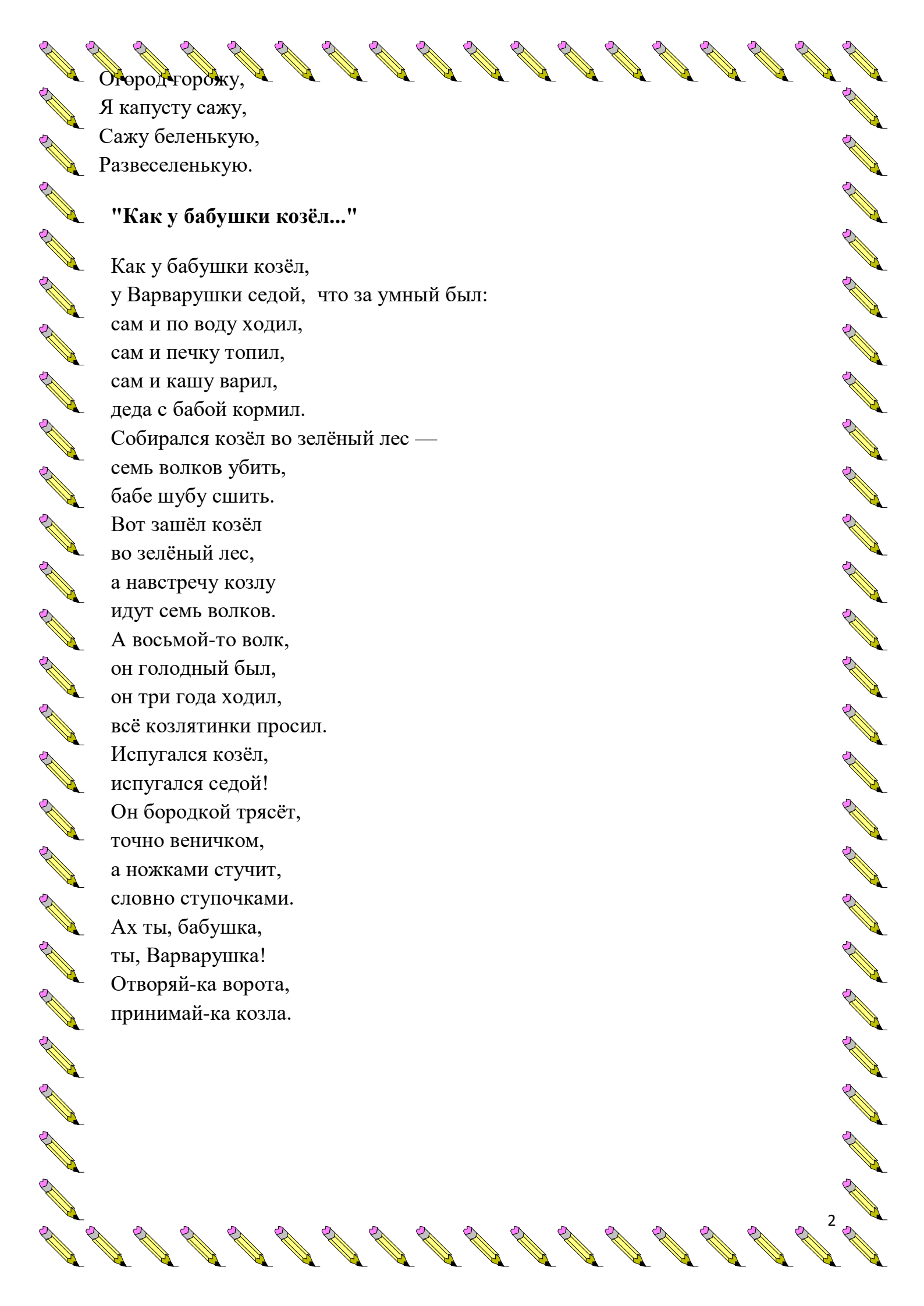
Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок.
Выпал беленький снежок,
Ехал Ванюшка-дружок.
Ваня ехал, поспешал,
Со добра коня упал.
Он упал, упал, лежит —
Никто к Ване не бежит.
Две девушки увидали,
Прямо к Ване подбежали.
Прямо к Ване подбежали,
На коня Ваню сажали,
На коня Ваню сажали,
Путь-дорогу показали.
Путь-дорогу показали
Да наказывали:
«Как поедешь ты, Иван,
Не зевай по сторонам!»

«Николенька - гусачок...»

Николенька гусачок
По бережку скачет,
Белу рыбку ловит,
Бабушку кормит.
Бабушка старенька,
Бабушка добренька.
Рыбушку любит,
А внучка голубит.
Гладит по головке,
Шьет ему обновки.

«Уж я колышки тешу...»

Я колышки тешу,

Огород горожу,
Я капусту сажу,
Сажу беленькую,
Развеселенькую.

"Как у бабушки козёл..."

Как у бабушки козёл,
у Варварушки седой, что за умный был:
сам и по воду ходил,
сам и печку топил,
сам и кашу варил,
деда с бабой кормил.
Собирался козёл во зелёный лес —
семь волков убить,
бабе шубу сшить.
Вот зашёл козёл
во зелёный лес,
а навстречу козлу
идут семь волков.
А восьмой-то волк,
он голодный был,
он три года ходил,
всё козлятинки просил.
Испугался козёл,
испугался седой!
Он бородкой трясёт,
точно веничком,
а ножками стучит,
словно ступочками.
Ах ты, бабушка,
ты, Варварушка!
Отворяй-ка ворота,
принимай-ка козла.

«Ты, мороз, мороз, мороз...»

Ты, мороз, мороз, мороз,
Не показывай свой нос!
Уходи скорей домой,
Стужу уводи с собой.
А мы саночки возьмем,
Мы на улицу пойдем,
Сядем в саночки – самокаточки.

По дубочку постучишь

По дубочку постучишь,
Прилетает синий чиж.
У чижа, у чиженьки,
Хохолочек рыженький,
А на лапке маленькой
Сапожочек аленький.
Чиж под солнышком летал
И головкой кивал.

«Ранним-рано поутру...»

«Ранним-рано поутру...»
Ранним-рано поутру
Пастушок: "Ту-ру-ру-ру!"
А коровки в лад ему
Затянули: "Му-му-му!"
Ты, Буренушка, ступай,
В чисто поле погуляй,
А вернешься вечерком,
Нас напоишь молочком.

«Грачи-киричи...»

«Грачи-киричи...»

Грачи - киричи

Летите, летите,

Дружную весну

Несите, несите!

«Уж ты, пташечка, ты залетная...»

Уж ты, пташечка, ты залетная,

Ты слетай на сине море,

Ты возьми ключи весенние,

Замкни зиму, отомкни лето.

«Ласточка – ласточка...»

- Ласточка, ласточка,

Милая касаточка,

Ты где была,

Ты с чем пришла?

- За морем бывала,

Весну добывала,

Несу, несу

Весну красну.

«Дождик, дождик, веселей...»

- Дождик, дождик, веселей

Капай, капай, не жалей!

Только нас не замочи!

Зря в окошко не стучи –

Брызни в поле пуще:

Станет травка гуще!

«Божья коровка...»

Божья коровка,
Черная головка,
Улети на небо,
Принеси нам хлеба,
Черного и белого,
Только не горелого!

Сказки

«Лиса и кувшин» (обр. О. Капицы)

Вышла баба на поле жать и спрятала в кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала. Пора бы и домой, да вот беда - головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

- Ну, кувшин, пошутил, да и будет! Отпусти же меня, кувшинушка. Полно тебе баловать — поиграл, да и будет!

Не отстаёт кувшин, хоть что ты хочешь!

Рассердилась лиса:

- погоди же ты, не останешь честью, так я тебя утоплю!

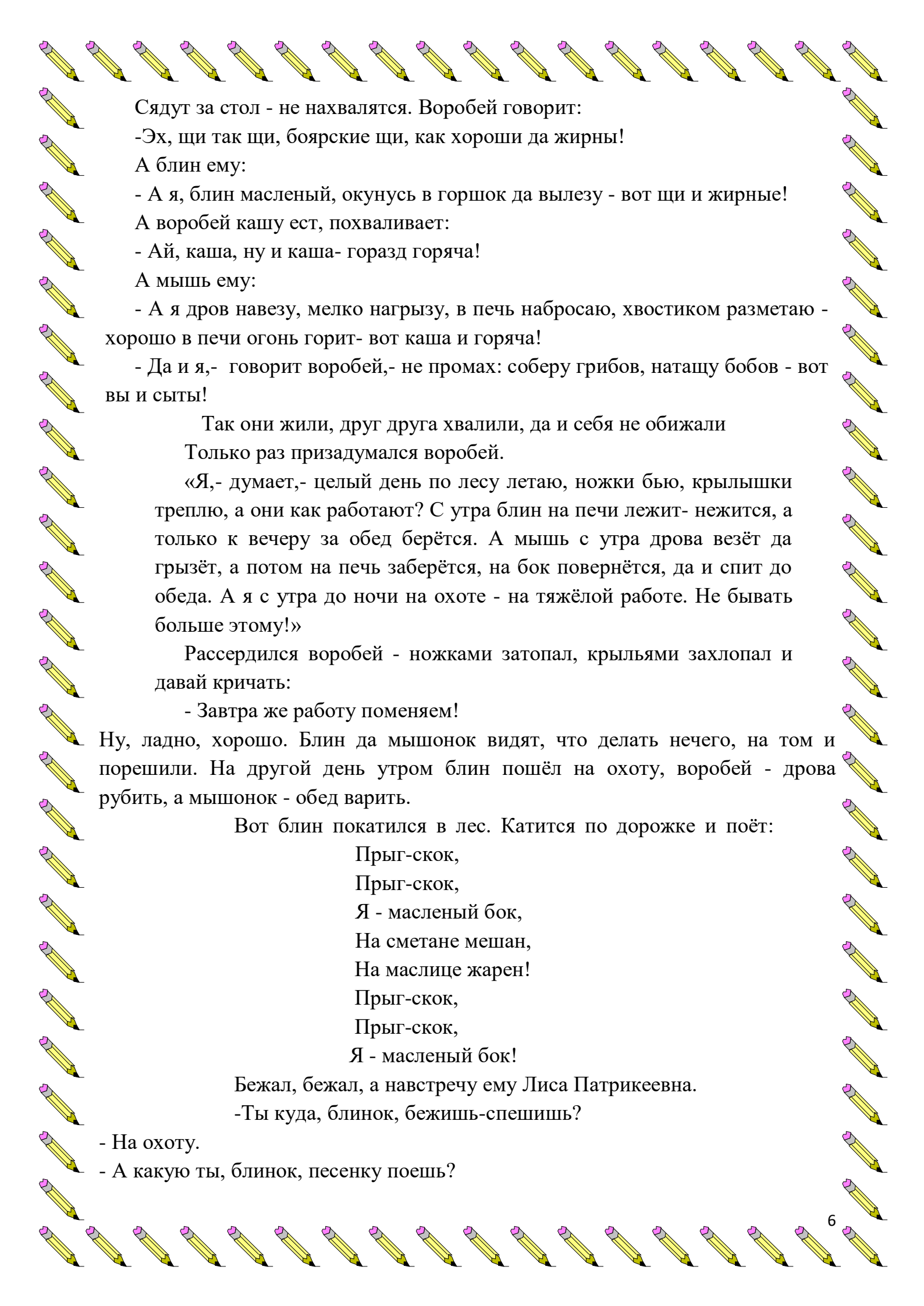
Побежала лиса к реке и давай кувшин топить.

Кувшин-то утонуть - утонул, да и лису за собой утянул.

«Крылатый, мохнатый да масляный» (обр. И. Карнауховой)

На лесной опушке, в тепленькой избушке, жили – были три братца: воробей крылатый, мышонок мохнатый, да блин масляный.

Воробей с поля прилетел, мышонок от кота удрал, блин со сковороды убежал. Жили они, поживали, друг друга не обижали. Каждый свою работу делал, другому помогал. Воробей еду приносил - с полей зёрен, из лесов грибов, с огорода бобов. Мышонок дрова рубил, а блин щи да кашу варил. Хорошо жили. Бывало, воробей с охоты воротится, ключевой водой умоется, сядет на лавку отдыхать. А мышь дрова таскает, на стол накрывает, ложки крашенные считает. А блин у печи - румян да пышен - щи варит, крупной солью солит, кашу пробует.

Сядут за стол - не нахвалятся. Воробей говорит:

-Эх, щи так щи, боярские щи, как хороши да жирны!

А блин ему:

- А я, блин масляный, окунусь в горшок да вылезу - вот щи и жирные!

А воробей кашу ест, похваливает:

- Ай, каша, ну и каша- горазд горяча!

А мышь ему:

- А я дров навезу, мелко нагрызу, в печь набросаю, хвостиком разметаю - хорошо в печи огонь горит- вот каша и горяча!

- Да и я,- говорит воробей,- не промах: соберу грибов, натащу бобов - вот вы и сыты!

Так они жили, друг друга хвалили, да и себя не обижали
Только раз призадумался воробей.

«Я,- думает,- целый день по лесу летаю, ножки бью, крылышки треплю, а они как работают? С утра блин на печи лежит- нежится, а только к вечеру за обед берётся. А мышь с утра дрова везёт да грызёт, а потом на печь заберётся, на бок повернётся, да и спит до обеда. А я с утра до ночи на охоте - на тяжёлой работе. Не бывать больше этому!»

Рассердился воробей - ножками затопал, крыльями захлопал и давай кричать:

- Завтра же работу поменяем!

Ну, ладно, хорошо. Блин да мышонок видят, что делать нечего, на том и порешили. На другой день утром блин пошёл на охоту, воробей - дрова рубить, а мышонок - обед варить.

Вот блин покатился в лес. Катится по дорожке и поёт:

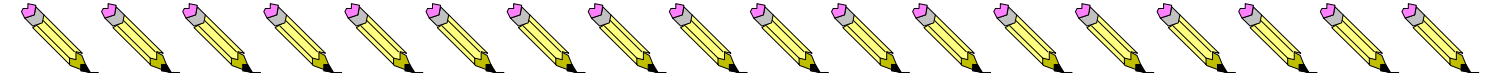
Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я - масляный бок,
На сметане мешан,
На маслице жарен!
Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я - масляный бок!

Бежал, бежал, а навстречу ему Лиса Патрикеевна.

-Ты куда, блинок, бежишь-спешишь?

- На охоту.

- А какую ты, блинок, песенку поешь?

Блин заскакал на месте, да и запел:

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я - масляный бок,

На сметане мешан,

На маслице жарен!

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я - масляный бок!

- Хорошо поёшь,- говорит Лиса Патрикеевна, а сама ближе подбирается. - Так, говоришь, на сметане мешан? А блин ей:

- На сметане да с сахаром! А лиса ему:

- Прыг-скок, говоришь?

Да как прыгнет, да как фыркнет, да как ухватит за масляный бок - ам!

А блин кричит:

- Пусти меня, лиса, в дремучие леса, за грибами, за бобами – на охоту!

А лиса ему:

- Нет, я съем тебя, проглочу тебя, со сметаной, с маслом да с сахаром.

Блин бился, бился, еле от лисы вырвался - бок в зубах оставил, домой побежал!

А дома-то что делается!

Стала мышка щи варить: чего ни положит, чего ни прибавит, а щи всё не жирны, не хороши, не масляны.

«Как,- думает,- блин щи варил? А, да он в горшок нырнёт да выплывет, и станут щи жирные!»

Взяла мышка, да и кинулась в горшок. Обварилась, ошпарилась, еле выскочила! Шубка повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Села на лавку да слезы льёт.

А воробей дрова возил: навозил, натаскал да давай клевать, на мелки щепки ломать. Клевал, клевал, клюв на сторону своротил. Сел на завалинку и слёзы льет. Прибежал блин к дому, видит: сидит воробей на завалинке – клюв на сторону, слезами воробей заливается. Прибежал блин в избу — сидит мышь на лавке, шубка у неё повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Как увидели, что у блина полбока съедено, ещё пуще заплакали.

Тут блин и говорит:

- Так всегда бывает, когда один на другого кивает, своё дело делать не хочет.

Тут воробей со стыда под лавку забился.

Ну, делать нечего, поплакали-погоревали, да и стали снова жить-поживать по-старому: воробей еду приносить, мышь дрова рубить, а блин щи да кашу варить.

Так они живут, пряники жуют, медком запивают, нас с вами вспоминают.

«Хаврошечка» (обр. А.Н. Толстого)

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли ее эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткет, она и прядет, она и прибирает, она и за все отвечает.

А были у нее хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя Двуглазка, а меньшая Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала – и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать.

- Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне ведено пять пудов прясть, наткать, побелить и в трубы покатаить. А коровушка ей в ответ:

- Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь - все будет сработано.

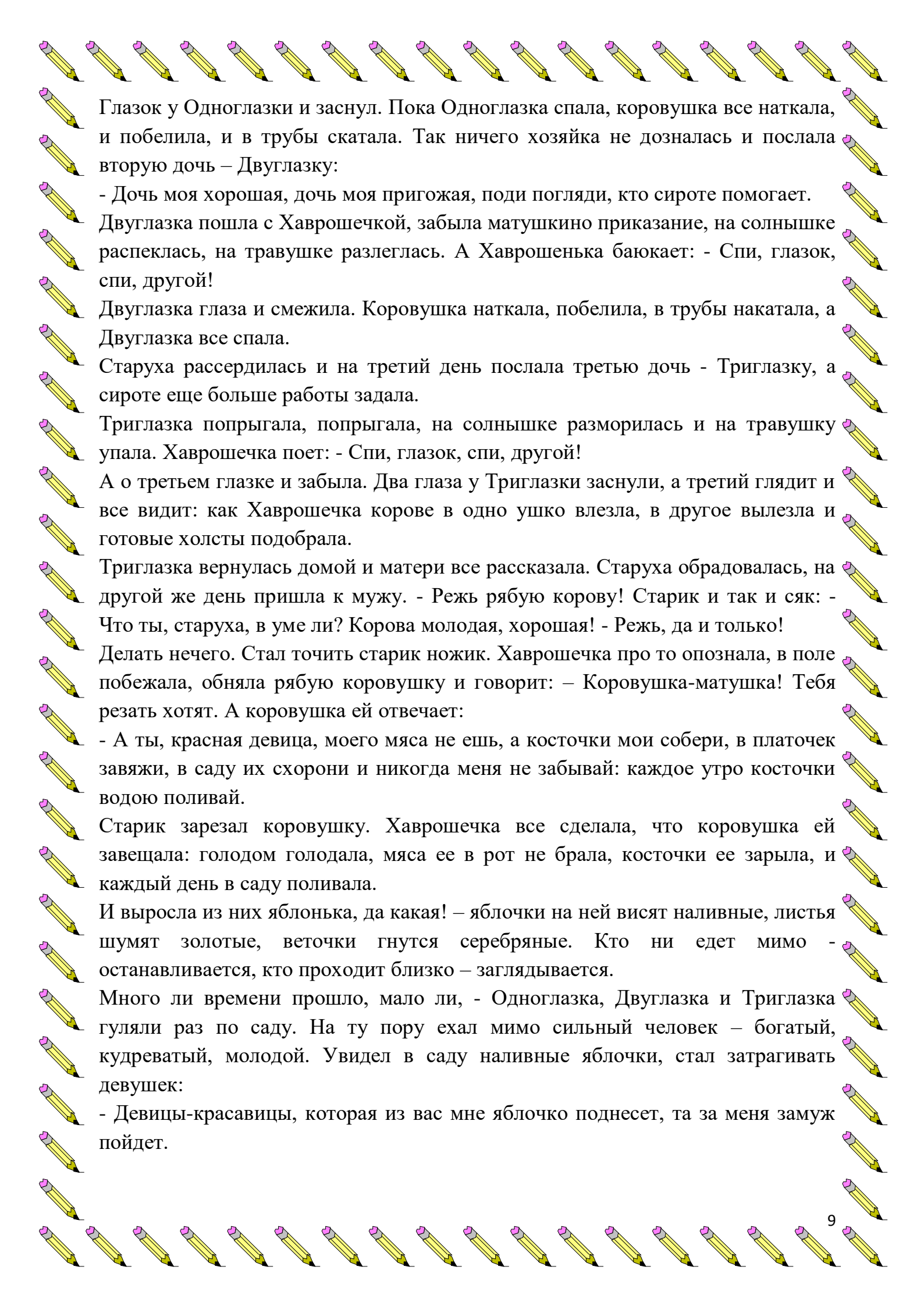
Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого - все готово: и наткано и побелено, и в трубы покатоено.

Отнесет она холсты к хозяйке. Та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке еще больше работы задаст.

Хаврошечка опять придет к коровушке, обнимет ее, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет, принесет хозяйке. Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

- Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает: - Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала. Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь – Двуглазку:

- Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди погляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошенька баюкает: - Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка все спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь - Триглазку, а сироте еще больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала. Хаврошечка поет: - Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла. Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и все видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери все рассказала. Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу. - Режь рябую корову! Старик и так и сяк: - Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая! - Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про то опознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит: – Коровушка-матушка! Тебя резать хотят. А коровушка ей отвечает:

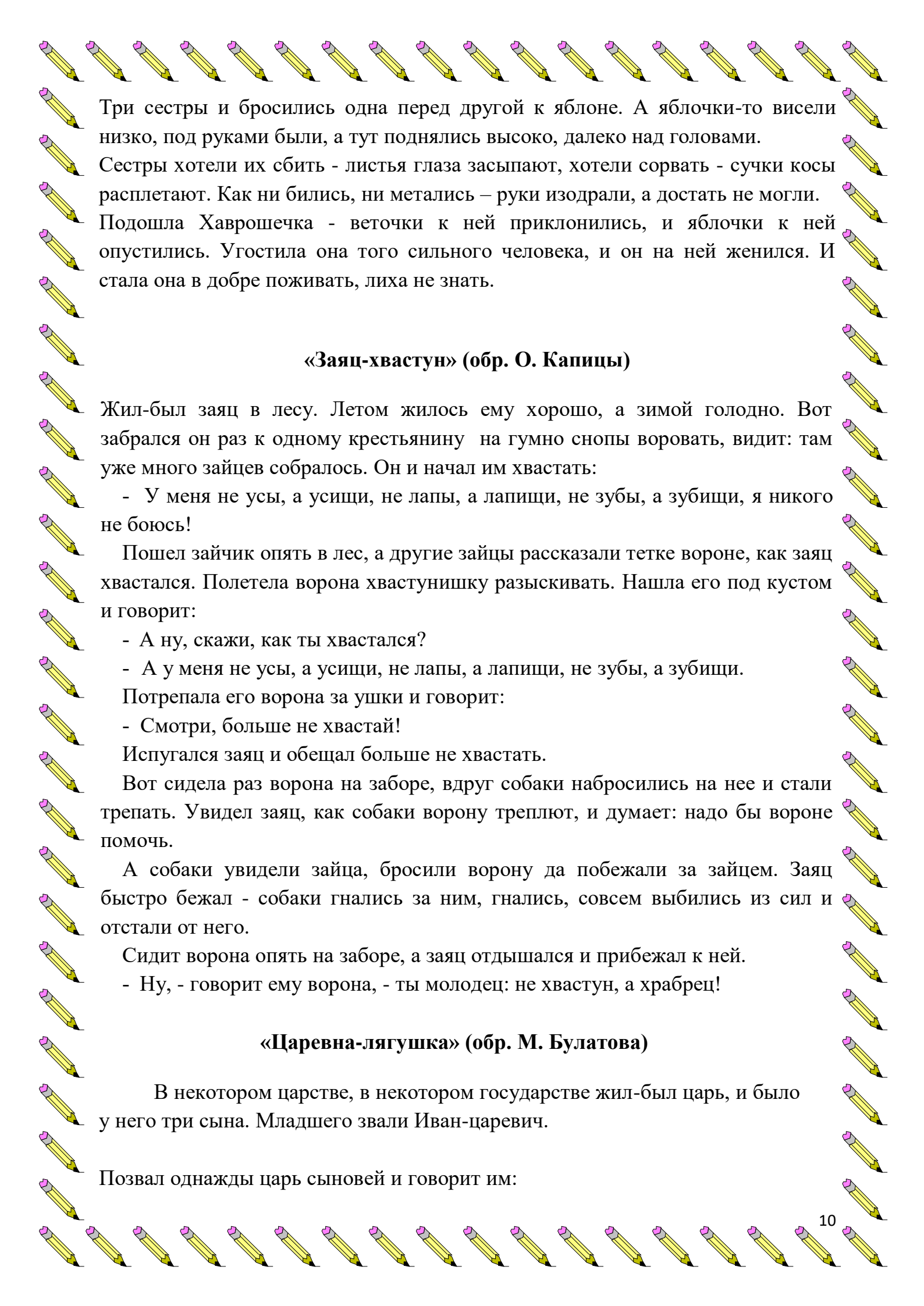
- А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка все сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла, и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! – яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо - останавливается, кто проходит близко – заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, - Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек – богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

- Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне. А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами. Сестры хотели их сбить - листья глаза засыпают, хотели сорвать - сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались – руки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошечка - веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

«Заяц-хвастун» (обр. О. Капицы)

Жил-был заяц в лесу. Летом жилось ему хорошо, а зимой голодно. Вот забрался он раз к одному крестьянину на гумно снопы воровать, видит: там уже много зайцев собралось. Он и начал им хвастать:

- У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи, я никого не боюсь!

Пошел зайчик опять в лес, а другие зайцы рассказали тетке вороне, как заяц хвастался. Полетела ворона хвастунишку разыскивать. Нашла его под кустом и говорит:

- А ну, скажи, как ты хвастался?

- А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи.

Потрепала его ворона за ушки и говорит:

- Смотри, больше не хвастай!

Испугался заяц и обещал больше не хвастать.

Вот сидела раз ворона на заборе, вдруг собаки набросились на нее и стали трепать. Увидел заяц, как собаки ворону треплют, и думает: надо бы вороне помочь.

А собаки увидели зайца, бросили ворону да побежали за зайцем. Заяц быстро бежал - собаки гнались за ним, гнались, совсем выбились из сил и отстали от него.

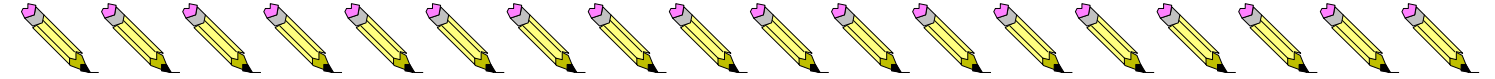
Сидит ворона опять на заборе, а заяц отдышался и прибежал к ней.

- Ну, - говорит ему ворона, - ты молодец: не хвастун, а храбрец!

«Царевна-лягушка» (обр. М. Булатова)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Младшего звали Иван-царевич.

Позвал однажды царь сыновей и говорит им:

- Дети мои милые, вы теперь все на возрасте, пора вам и о невестах подумать!

- За кого же нам, батюшка, посвататься?

- А вы возьмите по стреле, натяните свои тугие луки и пустите стрелы в разные стороны. Где стрела упадет - там и сватайтесь.

Вышли братья на широкий отцовский двор, натянули свои тугие луки и выстрелили.

Пустил стрелу старший брат. Упала стрела на боярский двор, и подняла ее боярская дочь.

Пустил стрелу средний брат - полетела стрела к богатому купцу во двор. Подняла ее купеческая дочь.

Пустил стрелу Иван-царевич - полетела его стрела прямо в топкое болото, и подняла ее лягушка-квакушка.

Старшие братья как пошли искать свои стрелы, сразу их нашли: один - в боярском тереме, другой - на купеческом дворе. А Иван-царевич долго не мог найти свою стрелу. Два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день зашел в топкое болото. Смотрит - сидит там лягушка-квакушка, его стрелу держит.

Иван-царевич хотел было бежать и отступить от своей находки, а лягушка и говорит:

- Ква-ква, Иван-царевич! Поди ко мне, бери свою стрелу, а меня возьми замуж.

Опечалился Иван-царевич и отвечает:

- Как же я тебя замуж возьму? Меня люди засмеют!

- Возьми, Иван-царевич, жалеть не будешь!

Подумал-подумал Иван-царевич, взял лягушку-квакушку, завернул

ее в платочек и принес в свое царство-государство.

Пришли старшие братья к отцу, рассказывают, куда, чья стрела попала.

Рассказал и Иван-царевич. Стали братья над ним смеяться, а отец говорит:

- Бери квакушку, ничего не поделаешь!

Вот сыграли три свадьбы, поженились царевичи: старший царевич - на боярышне, средний - на купеческой дочери, а Иван-царевич - на лягушке-квакушке.

На другой день после свадьбы призвал царь своих сыновей и говорит:

- Ну, сынки мои дорогие, теперь вы все трое женаты. Хочется мне узнать, умеют ли ваши жены хлебы печь. Пусть они к утру испекут мне по караваю хлеба.

Поклонились царевичи отцу и пошли. Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

- Ква-ква, Иван-царевич, - говорит лягушка-квакушка, - что ты так опечалился? Или услышал от своего отца слово неласковое?

- Как мне не печалиться! - отвечает Иван-царевич. - Приказал мой батюшка, чтобы ты сама испекла к утру каравай хлеба.

- Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила квакушка царевича спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась красной девицей Василисой Премудрой - такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Взяла она частые решета, мелкие сита, просеяла муку пшеничную, замесила тесто белое, испекла каравай - рыхлый да мягкий, изукрасила каравай разными узорами мудреными: по бокам - города с дворцами, садами да башнями, сверху — птицы летучие, снизу - звери рыскучие.

Утром будит квакушка Ивана-царевича:

- Пора, Иван-царевич, вставай, каравай неси!

Положила каравай на золотое блюдо, проводила Ивана-царевича к отцу.

Пришли и старшие братья, принесли свои караваи, только у них и посмотреть не на что: у боярской дочки хлеб подгорел, у купеческой - сырой да кособокий получился.

Царь сначала принял каравай у старшего царевича, взглянул на него и приказал отнести псам дворовым.

Принял у среднего, взглянул и сказал:

- Такой каравай только от большой нужды есть будешь!

Дошла очередь и до Ивана-царевича. Принял царь от него каравай и сказал:

- Вот этот хлеб только в большие праздники есть!

И тут же дал сыновьям новый приказ:

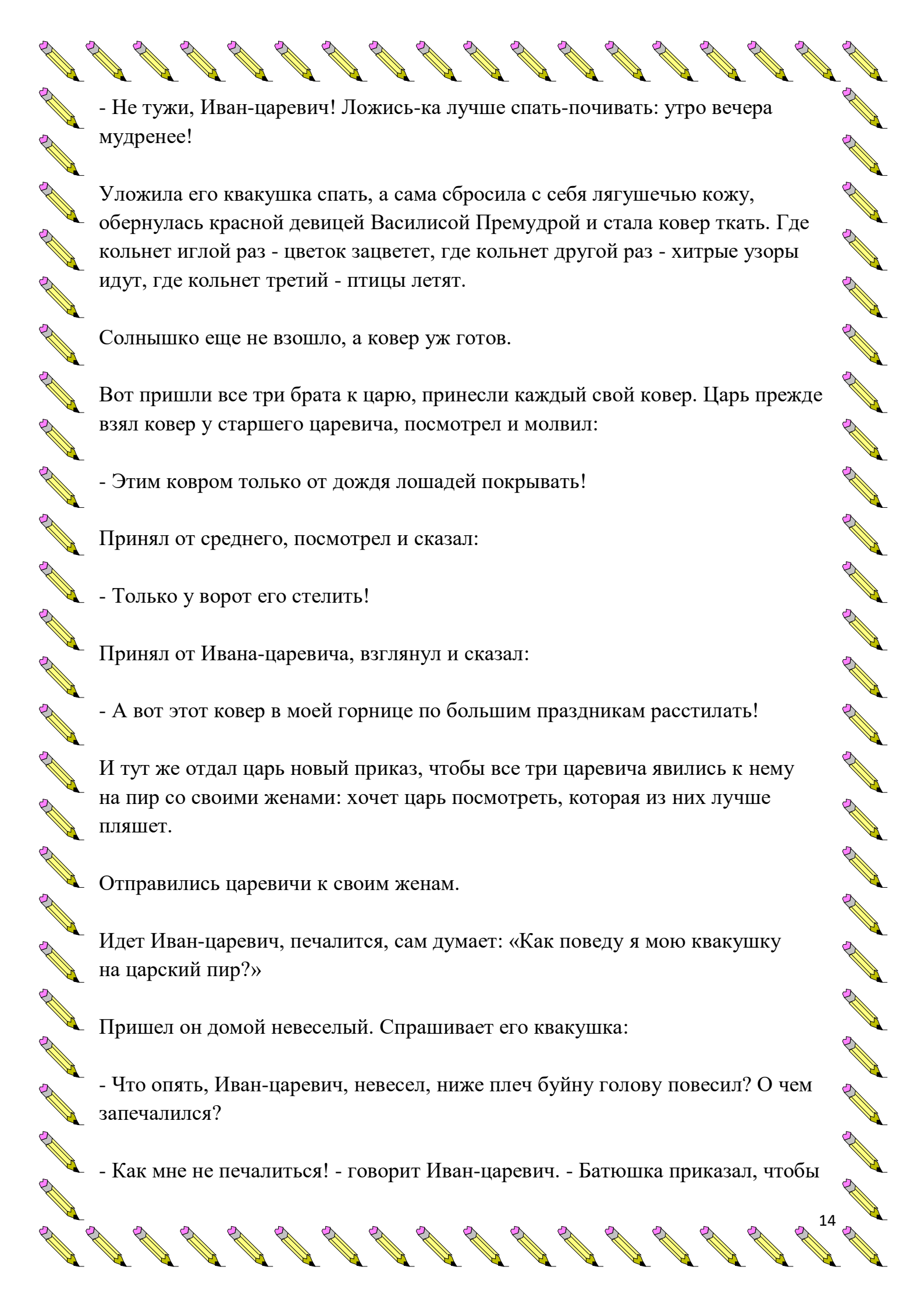
- Хочется мне знать, как умеют ваши жены рукодельничать. Возьмите шелку, золота и серебра, и пусть они своими руками за ночь выткут мне по ковру!

Вернулись старшие царевичи к своим женам, передали им царский приказ. Стали жены кликать мамушек, нянюшек и красных девушек - чтобы пособили им ткать ковры. Тотчас мамушки, нянюшки да красные девушки собрались и принялись ковры ткать да вышивать - кто серебром, кто золотом, кто шелком.

А Иван-царевич воротился домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

- Ква-ква, Иван-царевич, - говорит лягушка-квакушка, - почему так печалишься? Или услышал от отца своего слово недоброе?

- Как мне не кручиниться! - отвечает Иван-царевич. - Батюшка приказал за одну ночь соткать ему ковер узорчатый!

- Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила его квакушка спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу, обернулась красной девицей Василисой Премудрой и стала ковер ткать. Где кольнет иглой раз - цветок зацветет, где кольнет другой раз - хитрые узоры идут, где кольнет третий - птицы летят.

Солнышко еще не взошло, а ковер уж готов.

Вот пришли все три брата к царю, принесли каждый свой ковер. Царь прежде взял ковер у старшего царевича, посмотрел и молвил:

- Этим ковром только от дождя лошадей покрывать!

Принял от среднего, посмотрел и сказал:

- Только у ворот его стелить!

Принял от Ивана-царевича, взглянул и сказал:

- А вот этот ковер в моей горнице по большим праздникам расстилать!

И тут же отдал царь новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на пир со своими женами: хочет царь посмотреть, которая из них лучше пляшет.

Отправились царевичи к своим женам.

Идет Иван-царевич, печалится, сам думает: «Как поведу я мою квакушку на царский пир?»

Пришел он домой невеселый. Спрашивает его квакушка:

- Что опять, Иван-царевич, невесел, ниже плеч буйну голову повесил? О чем запечалился?

- Как мне не печалиться! - говорит Иван-царевич. - Батюшка приказал, чтобы

я тебя завтра к нему на пир привез.

- Не горюй, Иван-царевич! Ложись-ка да спи: утро вечера мудренее!

На другой день, как пришло время ехать на пир, квакушка и говорит царевичу:

- Ну, Иван-царевич, отправляйся один на царский пир, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром - не пугайся, скажи: «Это, видно, моя лягушонка в коробчонке едет!»

Пошел Иван-царевич к царю на пир один.

А старшие братья явились во дворец со своими женами, разодетыми, разубранными. Стоят да над Иваном-царевичем посмеиваются:

- Что же ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес, дал бы нам всем послушать, как она квакает!

Вдруг поднялся стук да гром - весь дворец затрясся-зашатался. Все гости переполошились, повскакали со своих мест. А Иван-царевич говорит:

- Не бойтесь, гости дорогие! Это, видно, моя лягушонка в своей коробчонке едет!

Подбежали все к окнам и видят: бегут скороходы, скачут гонцы, а вслед за ними едет золоченая карета, тройкой гнедых коней запряжена.

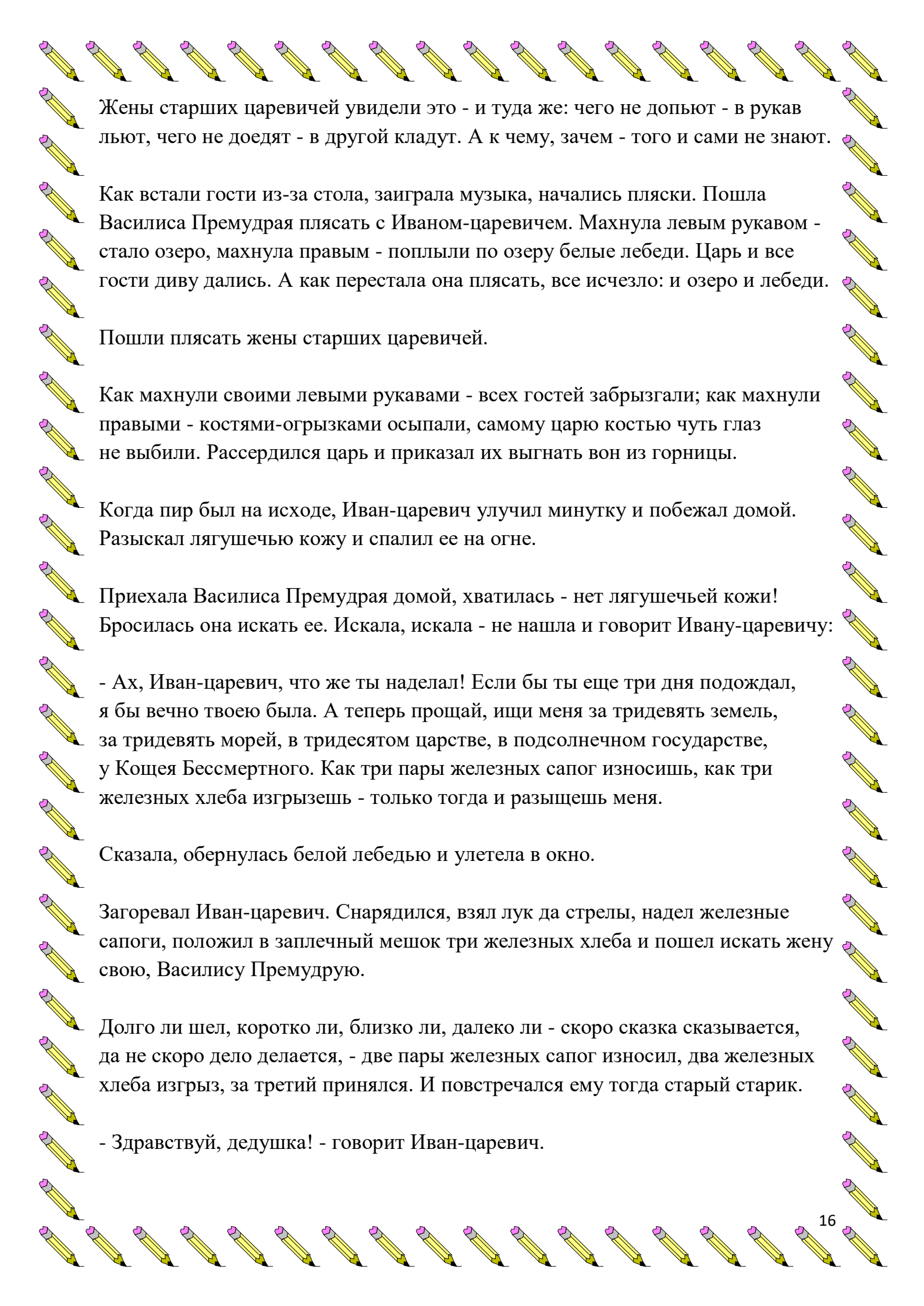
Подъехала карета к крыльцу, и вышла из нее Василиса Премудрая - сама как солнце ясное светится.

Все на нее дивятся, любят, от удивления слова вымолвить не могут.

Взяла Василиса Премудрая Ивана-царевича за руки и повела за столы дубовые, за скатерти узорчатые.

Стали гости есть, пить, веселиться.

Василиса Премудрая из кубка пьет - не допивает, остатки себе за левый рукав выливает. Лебедя жареного ест - косточки за правый рукав бросает.

Жены старших царевичей увидели это - и туда же: чего не допьют - в рукав льют, чего не доедят - в другой кладут. А к чему, зачем - того и сами не знают.

Как встали гости из-за стола, заиграла музыка, начались пляски. Пошла Василиса Премудрая плясать с Иваном-царевичем. Махнула левым рукавом - стало озеро, махнула правым - поплыли по озеру белые лебеди. Царь и все гости диву дались. А как перестала она плясать, все исчезло: и озеро и лебеди.

Пошли плясать жены старших царевичей.

Как махнули своими левыми рукавами - всех гостей забрызгали; как махнули правыми - костями-огрызками осыпали, самому царю костью чуть глаз не выбили. Рассердился царь и приказал их выгнать вон из горницы.

Когда пир был на исходе, Иван-царевич улучил минутку и побежал домой. Разыскал лягушечью кожу и спалил ее на огне.

Приехала Василиса Премудрая домой, хватилась - нет лягушечьей кожи! Бросилась она искать ее. Искала, искала - не нашла и говорит Ивану-царевичу:

- Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще три дня подождал, я бы вечно твоею была. А теперь прощай, ищи меня за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, у Коцея Бессмертного. Как три пары железных сапог износишь, как три железных хлеба изгрызешь - только тогда и разыщешь меня.

Сказала, обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Загоревал Иван-царевич. Снарядился, взял лук да стрелы, надел железные сапоги, положил в заплечный мешок три железных хлеба и пошел искать жену свою, Василису Премудрую.

Долго ли шел, коротко ли, близко ли, далеко ли - скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, - две пары железных сапог износил, два железных хлеба изгрыз, за третий принялся. И повстречался ему тогда старый старик.

- Здравствуй, дедушка! - говорит Иван-царевич.

- Здравствуй, добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Рассказал Иван-царевич старику свое горе.

- Эх, Иван-царевич, - говорит старик, - зачем же ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее и снимать было! Василиса Премудрая хитрей-мудрей отца своего, Кощея Бессмертного, уродилась, он за то разгневался на нее и приказал ей три года квакушей быть. Ну, да делать нечего, словами беды не поправишь. Вот тебе клубочек: куда он покатится, туда и ты иди.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошел за клубочком.

Катится клубочек по высоким горам, катится по темным лесам, катится по зеленым лугам, катится по топким болотам, катится по глухим местам, а Иван-царевич все идет да идет за ним - не остановится на отдых ни на часок.

Шел-шел, третью пару железных сапог истер, третий железный хлеб изгрыз и пришел в дремучий бор. Попадается ему навстречу медведь.

«Дай убью медведя! - думает Иван-царевич. - Ведь у меня никакой еды больше нет».

Прицелился он, а медведь вдруг и говорит ему человеческим голосом:

- Не убивай меня, Иван-царевич! Когда-нибудь я пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя, пожалел, пошел дальше.

Идет он чистым полем, глядь - а над ним летит большой селезень.

Иван-царевич натянул лук, хотел было пустить в селезня острую стрелу, а селезень и говорит ему по-человечески:

- Не убивай меня, Иван-царевич! Будет время - я тебе пригожусь.

Пожалел Иван-царевич селезня - не тронул его, пошел дальше голодный.

Вдруг бежит навстречу ему косой заяц.

«Люблю этого зайца! - думает царевич. - Очень уж есть хочется.»

Натянул свой тугой лук, стал целиться, а заяц говорит ему человеческим голосом:

- Не губи меня, Иван-царевич! Будет время - я тебе пригожусь.

И его пожалел царевич, пошел дальше.

Вышел он к синему морю и видит: на берегу, на желтом песке, лежит щука-рыба. Говорит Иван-царевич:

- Ну, сейчас эту щуку съем! Мочи моей больше нет - так есть хочется!

- Ах, Иван-царевич, - молвила щука, - сжался надо мной, не ешь меня, брось лучше в синее море!

Сжалился Иван-царевич над щукой, бросил ее в море, а сам пошел берегом за своим клубочком.

Долго ли, коротко ли - прикатился клубочек в лес, к избушке. Стоит та избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается. Говорит Иван-царевич:

- Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

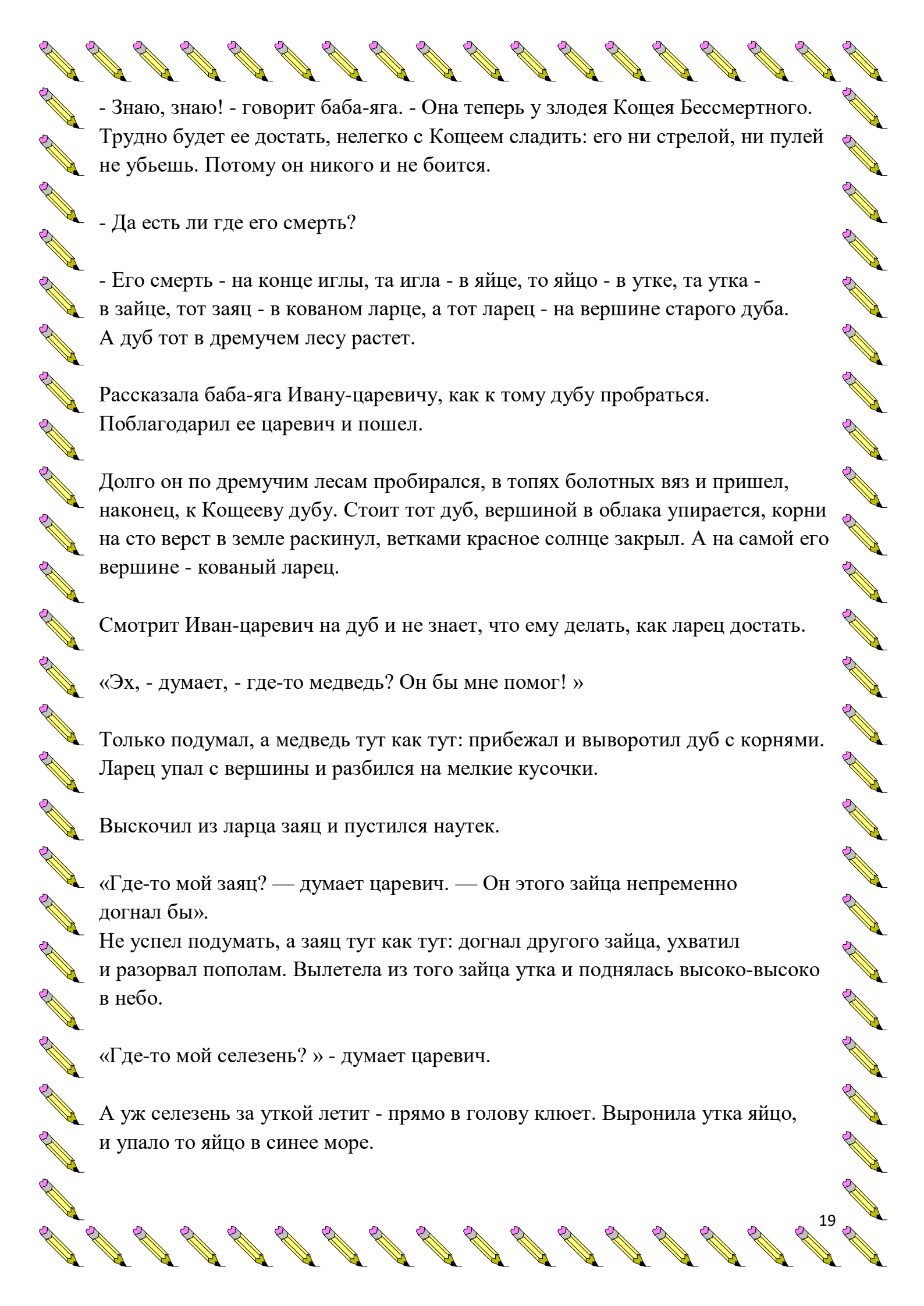
Избушка по его слову повернулась к лесу задом, а к нему передом. Вошел Иван-царевич в избушку и видит: лежит на печи баба-яга - костяная нога. Увидела она царевича и говорит:

- Зачем ко мне пожаловал, добрый молодец? Волей или неволей?

- Ах, баба-яга - костяная нога, ты бы меня накормила прежде, напоила да в бане выпарила, тогда бы и выспрашивала!

- И то правда! - отвечает баба-яга.

Накормила она Ивана-царевича, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что он ищет жену свою, Василису Премудрую.

- Знаю, знаю! - говорит баба-яга. - Она теперь у злодея Кощея Бессмертного. Трудно будет ее достать, нелегко с Кощеем сладить: его ни стрелой, ни пулей не убьешь. Потому он никого и не боится.

- Да есть ли где его смерть?

- Его смерть - на конце иглы, та игла - в яйце, то яйцо - в утке, та утка - в зайце, тот заяц - в кованом ларце, а тот ларец - на вершине старого дуба. А дуб тот в дремучем лесу растет.

Рассказала баба-яга Ивану-царевичу, как к тому дубу пробраться. Поблагодарил ее царевич и пошел.

Долго он по дремучим лесам пробирался, в топях болотных вяз и пришел, наконец, к Кощееву дубу. Стоит тот дуб, вершиной в облака упирается, корни на сто верст в земле раскинул, ветками красное солнце закрыл. А на самой его вершине - кованый ларец.

Смотрит Иван-царевич на дуб и не знает, что ему делать, как ларец достать.

«Эх, - думает, - где-то медведь? Он бы мне помог! »

Только подумал, а медведь тут как тут: прибежал и выворотил дуб с корнями. Ларец упал с вершины и разбился на мелкие кусочки.

Выскочил из ларца заяц и пустился наутек.

«Где-то мой заяц? — думает царевич. — Он этого зайца непременно догнал бы».

Не успел подумать, а заяц тут как тут: догнал другого зайца, ухватил и разорвал пополам. Вылетела из того зайца утка и поднялась высоко-высоко в небо.

«Где-то мой селезень? » - думает царевич.

А уж селезень за уткой летит - прямо в голову клюет. Выронила утка яйцо, и упало то яйцо в синее море.

Загоревал Иван-царевич, стоит на берегу и говорит:

- Где-то моя щука? Она достала бы мне яйцо со дна морского!

Вдруг подплывает к берегу щука-рыба и держит в зубах яйцо.

- Получай, Иван-царевич!

Обрадовался царевич, разбил яйцо, достал иглу и отломил у нее кончик. И только отломил - умер Кощей Бессмертный, прахом рассыпался.

Пошел Иван-царевич в Кощеевы палаты. Вышла тут к нему Василиса Премудрая и говорит:

- Ну, Иван-царевич, сумел ты меня найти, теперь я весь век твоя буду!

Выбрал Иван-царевич лучшего скакуна из Кощеевой конюшни, сел на него с Василисой Премудрой и воротился в свое царство-государство.

И стали они жить дружно, в любви и согласии.

Рифмы (авторизированный пересказ Б. Шергина)

Шиш по своим делам в город пошел. Дело было летом, жарко.

Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке подъехать. Он и кричит этому дядьке:

- Здравствуйте, Какой-то-Какойтович!

Дядька не расслышал, как его назвали, только понял, что по имени и отчеству. Он и кричит Шишу:

- Здравствуйте, молодой человек!

А Шиш опять:

- Как супруга ваша поживает, как деточки?

Дядька говорит:

- Благодарим вас, хорошо живут. А если вы знакомый, так присаживайтесь на телегу, подвезу вас.

Шишу то и надо, сел рядом с дядькой. А Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит.

Он говорит:

- Дяденька, давайте играть в рифмы.

- Это что такое - рифмы?

- А давайте так говорить, чтоб складно было.

- Давай.

- Вот, дяденька, как твоего папашу звали?

- Моего папашу звали Кузьма.

Шиш говорит:

- Я твоего Кузьму

За бороду возьму!

Дядька говорит:

- Это зачем же ты моего папашу за бороду брать будешь?

Шиш говорит:

- Это, дяденька, для рифмы. Ты скажи, как твоего дедушку звали.

- Моего дедушку звали Иван.

Шиш говорит:

- Твой дедушка Иван

Посадил кошку в карман.

Кошка плачет и рыдает,

Твооо дедушку ругает.

Дядька разгорячился:

- Это зачем мой дедушка будет кошку в карман сажать? Ты зачем такие пустяки прибираешь?

- Это, дяденька, для рифмы.

- Я вот тебе скажу рифму; тебя как зовут?

- Меня зовут... Федя.

Дядька говорит:

- Если ты Федя,

То поймай в лесу медведя.

На медведе поезжай,

А с моей лошади слезай!

- Дяденька, я пошутил. Меня зовут не Федя, а Степан.

Дядька говорит:

- Если ты Степан,
Садись на ероплан.
На ероплане и летай,
А с моей лошади слезай!

- Дяденька, это я пошутил. Меня зовут не Степан, а... Силантий.
Дядька говорит:

- Если ты Силантий,
То с моей лошади слезантий!

- Что ты, дяденька, такого и слова нет - «слезантий».
— Хотя и нет, все равно слезай!

Шишу и пришлось слезть с телеги. Так ему и надо. Если тебя добрый человек везет на лошадке, ты сиди молча, а не придумывай всяких пустяков.

В пересказе Б.В. Шергина.

Остальное: Михаил Владимирович Толстиков

«Сивка-Бурка» (обр. М. Булатова)

Жил-был старик, и было у него три сына. Младшего все Иванушкой-дурачком звали. Посеял раз старик пшеницу. Хорошая уродилась пшеница, да только повадился кто-то ту пшеницу мять да топтать.

Вот старик и говорит сыновьям:

- Милые мои дети! Стерегите пшеницу каждую ночь по очереди, надо поймать вора!

Настала первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать. Забрался он на сеновал и проспал до утра.

Приходит утром домой и говорит:

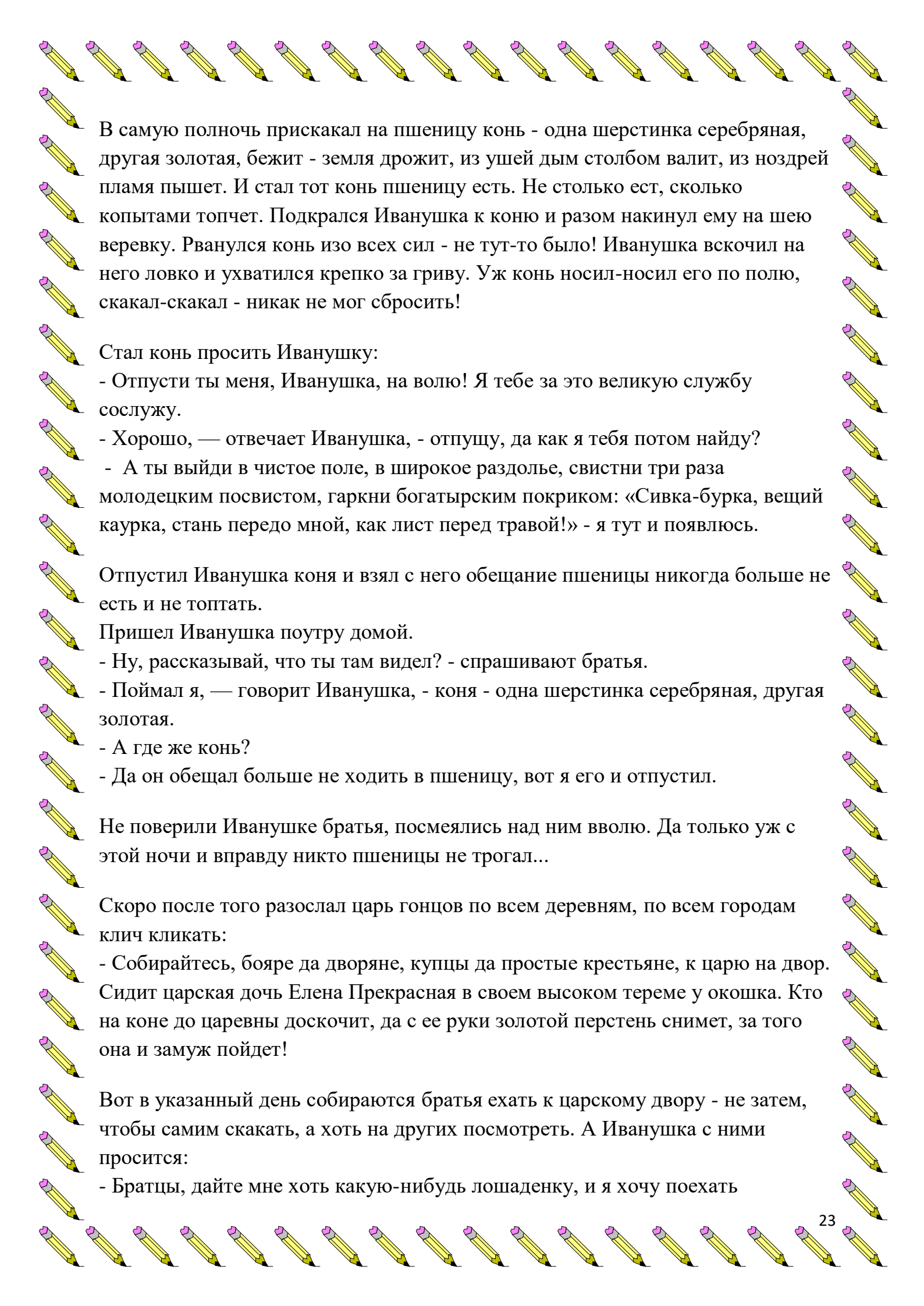
- Всю-то ночь я не спал, пшеницу стерег! Иззяб весь, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын. И он так же всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед Иванушке-дурачку идти. Положил он пирог за пазуху, взял веревку и пошел. Пришел в поле, сел на камень. Сидит, не спит, пирог жует, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу конь - одна шерстинка серебряная, другая золотая, бежит - земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть. Не столько ест, сколько копытами топчет. Подкрался Иванушка к коню и разом накинул ему на шею веревку. Рванулся конь изо всех сил - не тут-то было! Иванушка вскочил на него ловко и ухватился крепко за гриву. Уж конь носил-носил его по полю, скакал-скакал - никак не мог сбросить!

Стал конь просить Иванушку:

- Отпусти ты меня, Иванушка, на волю! Я тебе за это великую службу сослужу.

- Хорошо, — отвечает Иванушка, - отпущу, да как я тебя потом найду?

- А ты выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни три раза молодецким посвистом, гаркни богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» - я тут и появлюсь.

Отпустил Иванушка коня и взял с него обещание пшеницы никогда больше не есть и не топтать.

Пришел Иванушка поутру домой.

- Ну, рассказывай, что ты там видел? - спрашивают братья.

- Поймал я, — говорит Иванушка, - коня - одна шерстинка серебряная, другая золотая.

- А где же конь?

- Да он обещал больше не ходить в пшеницу, вот я его и отпустил.

Не поверили Иванушке братья, посмеялись над ним вволю. Да только уж с этой ночи и вправду никто пшеницы не трогал...

Скоро после того разослал царь гонцов по всем деревням, по всем городам клич кликать:

- Собирайтесь, бояре да дворяне, купцы да простые крестьяне, к царю на двор.

Сидит царская дочь Елена Прекрасная в своем высоком тереме у окошка. Кто на коне до царевны доскочит, да с ее руки золотой перстень снимет, за того она и замуж пойдет!

Вот в указанный день собираются братья ехать к царскому двору - не затем, чтобы самим скакать, а хоть на других посмотреть. А Иванушка с ними просится:

- Братцы, дайте мне хоть какую-нибудь лошаденку, и я хочу поехать

посмотреть на Елену Прекрасную!

- Куда тебе, дурню! Людей, что ли, хочешь смешить? Сиди себе на печи да золу пересыпай!

Уехали братья, а Иванушка-дурачок и говорит братниным женам:

- Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду - грибов наберу!

Взял лукошко и пошел, будто грибы собирать. Вышел Иванушка в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко под куст бросил, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

- Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

- Что угодно, Иванушка?

- Хочу посмотреть на царскую дочь Елену Прекрасную! - отвечает Иванушка.

- Ну, влезай ко мне в правое ухо, в левое вылезай!

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез - и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером описать! Сел на Сивку-бурку и поскакал прямо к городу. Нагнал он по дороге своих братьев, проскакал мимо них, пылью дорожной осыпал.

Прискакал Иванушка на площадь - прямо к царскому дворцу. Смотрит - народу видимо-невидимо, а в высоком терему, у окна, сидит царевна Елена Прекрасная. На руке у нее перстень сверкает - цены ему нет! А собою она красавица из красавиц. Глядят все на Елену Прекрасную, а никто не решается до нее доскочить: никому нет охоты шею себе ломать.

Ударил тут Иванушка Сивку-бурку по крутым бокам... Фыркнул конь, заржал, прыгнул — только на три бревна до царевны не допрыгнул. Удивился народ, а Иванушка повернул Сивку и ускакал.

Кричат все:

- Кто таков? Кто таков?

А Иванушки уж и след простыл. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал. Примчался Иванушка в чистое поле, соскочил с коня, влез ему в левое ухо, а в правое вылез и стал по-прежнему Иванушкой-дурачком.

Отпустил он Сивку-бурку, набрал полное лукошко мухоморов и принес домой:

- Эва, какие грибочки хорошие!

Рассердились братнины жены на Иванушку, и давай его ругать:

- Какие ты, дурень, грибы принес? Только тебе одному их есть!

Усмехнулся Иванушка, забрался на печь и сидит.

Воротились домой братья и рассказывают женам, что они в городе видели:

- Ну, хозяйки, какой молодец к царю приезжал! Такого мы сроду не видывали.

До царевны только на три бревна не допрыгнул.

А Иванушка лежит на печи да посмеивается:

- Братцы родные, а не я ли это там был?

- Куда тебе, дурню, там быть! Сиди уж на печи да мух лови!

На другой день старшие братья снова в город поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами. Вышел в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко бросил, сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

- Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Влез Иванушка Сивке-бурке в правое ухо, а в левое вылез и стал молодец молодцом. Вскочил на коня и поскакал ко двору. Видит - на площади народу еще больше прежнего. Все на царевну любят, а скакать никто и не думает: боятся шею себе сломать! Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бокам. Заржал Сивка-бурка, прыгнул - только на два бревна до окна царевны не достал.

Поворотил Иванушка Сивку и ускакал. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал. А Иванушка уже в чистом поле. Отпустил Сивку-бурку, а сам пошел домой. Сел на печь, сидит, дожидается братьев.

Приезжают братья домой и рассказывают:

- Ну, хозяйки, тот же молодец опять приезжал! Не допрыгнул до царевны только на два бревна.

Иванушка и говорит им:

- Братцы, а не я ли это там был?

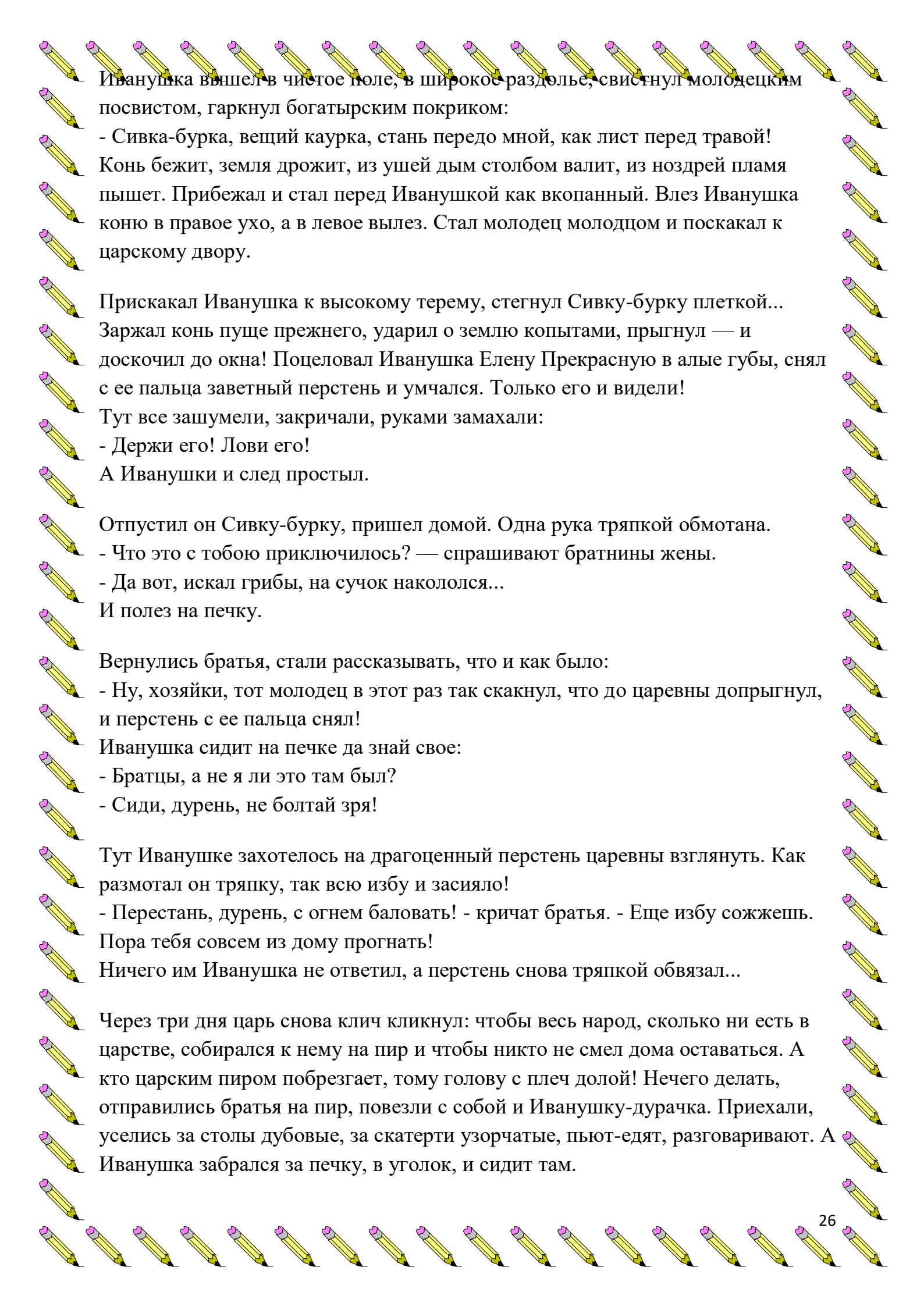
- Сиди, дурень, помалкивай!..

На третий день братья снова собираются ехать, а Иванушка говорит:

- Дайте мне хоть плохонькую лошаденку: поеду и я с вами!

- Сиди, дурень, дома! Только тебя там и не хватает!

Сказали и уехали.

Иванушка вышел в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

- Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!
Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный. Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез. Стал молодец молодцом и поскакал к царскому двору.

Прискакал Иванушка к высокому терему, стегнул Сивку-бурку плеткой... Заржал конь пуще прежнего, ударил о землю копытами, прыгнул — и доскочил до окна! Поцеловал Иванушка Елену Прекрасную в алые губы, снял с ее пальца заветный перстень и умчался. Только его и видели!

Тут все зашумели, закричали, руками замахали:

- Держи его! Лови его!

А Иванушки и след простыл.

Отпустил он Сивку-бурку, пришел домой. Одна рука тряпкой обмотана.

- Что это с тобою приключилось? — спрашивают братнины жены.

- Да вот, искал грибы, на сучок накололся...

И полез на печку.

Вернулись братья, стали рассказывать, что и как было:

- Ну, хозяйки, тот молодец в этот раз так скакнул, что до царевны допрыгнул, и перстень с ее пальца снял!

Иванушка сидит на печке да знай свое:

- Братцы, а не я ли это там был?

- Сиди, дурень, не болтай зря!

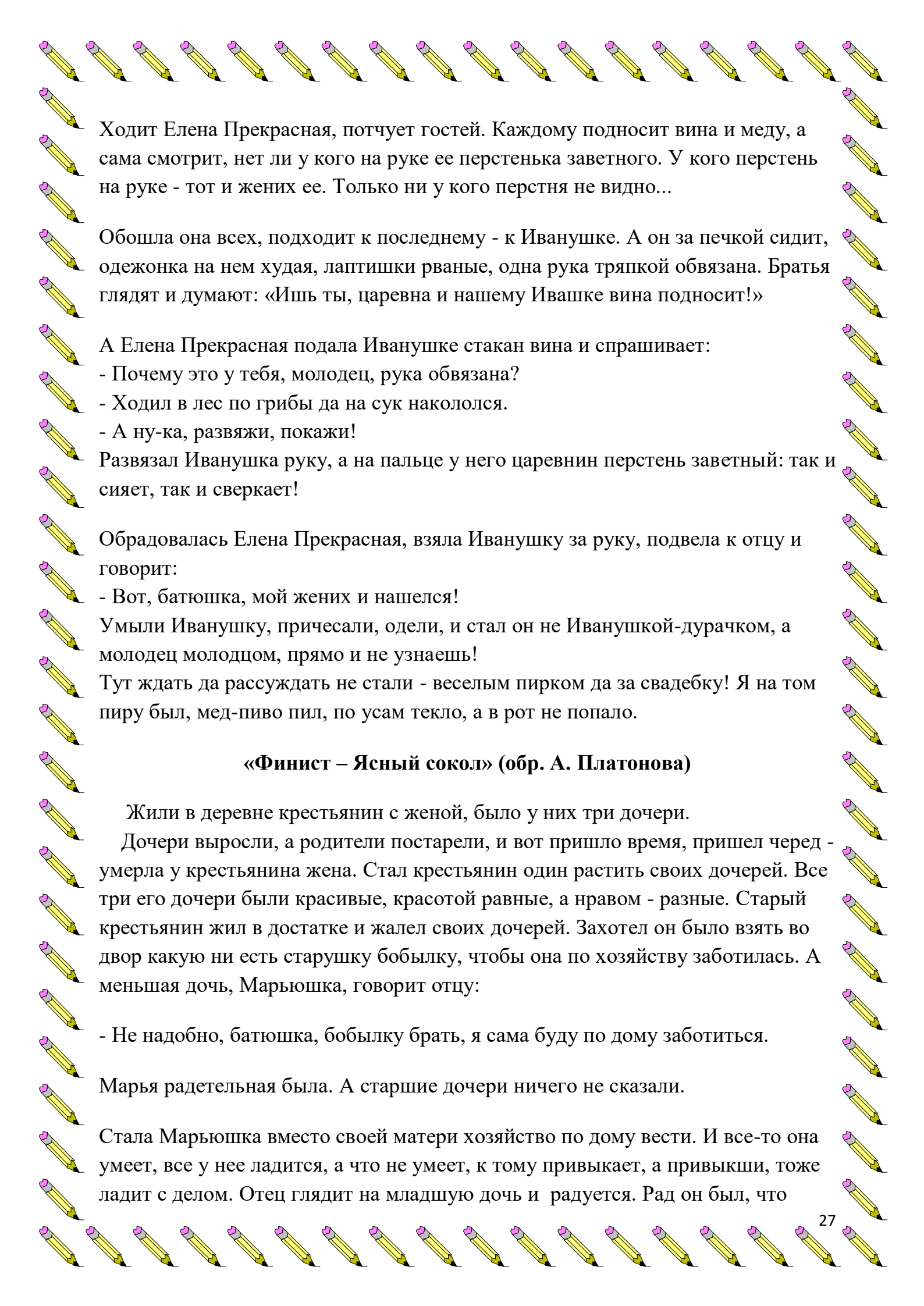
Тут Иванушке захотелось на драгоценный перстень царевны взглянуть. Как разматал он тряпку, так всю избу и засияло!

- Перестань, дурень, с огнем баловать! - кричат братья. - Еще избу сожжешь.

Пора тебя совсем из дому прогнать!

Ничего им Иванушка не ответил, а перстень снова тряпкой обвязал...

Через три дня царь снова клич кликнул: чтобы весь народ, сколько ни есть в царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться. А кто царским пиром побрезгает, тому голову с плеч долой! Нечего делать, отправились братья на пир, повезли с собой и Иванушку-дурачка. Приехали, уселись за столы дубовые, за скатерти узорчатые, пьют-едят, разговаривают. А Иванушка забрался за печку, в уголок, и сидит там.

Ходит Елена Прекрасная, потчует гостей. Каждому подносит вина и меду, а сама смотрит, нет ли у кого на руке ее перстенька заветного. У кого перстень на руке - тот и жених ее. Только ни у кого перстня не видно...

Обошла она всех, подходит к последнему - к Иванушке. А он за печкой сидит, одежонка на нем худая, лаптишки рваные, одна рука тряпкой обвязана. Братья глядят и думают: «Ишь ты, царевна и нашему Ивашке вина подносит!»

А Елена Прекрасная подала Иванушке стакан вина и спрашивает:

- Почему это у тебя, молодец, рука обвязана?

- Ходил в лес по грибы да на сук накололся.

- А ну-ка, развяжи, покажи!

Развязал Иванушка руку, а на пальце у него царевнин перстень заветный: так и сияет, так и сверкает!

Обрадовалась Елена Прекрасная, взяла Иванушку за руку, подвела к отцу и говорит:

- Вот, батюшка, мой жених и нашелся!

Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец молодцом, прямо и не узнаешь!

Тут ждать да рассуждать не стали - веселым пирком да за свадебку! Я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

«Финист – Ясный сокол» (обр. А. Платонова)

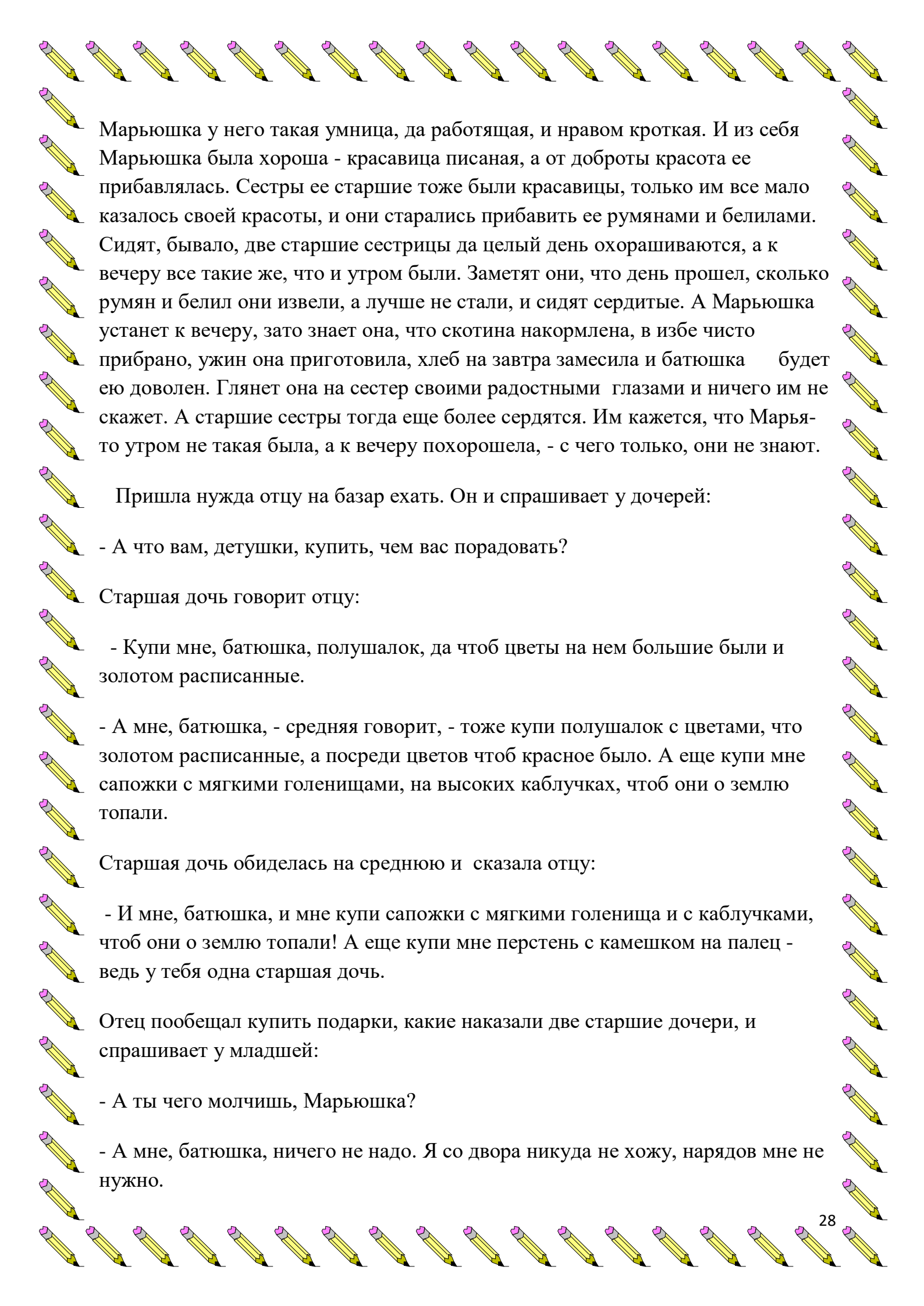
Жили в деревне крестьянин с женой, было у них три дочери.

Дочери выросли, а родители постарели, и вот пришло время, пришел черед - умерла у крестьянина жена. Стал крестьянин один растить своих дочерей. Все три его дочери были красивые, красотой равные, а нравом - разные. Старый крестьянин жил в достатке и жалел своих дочерей. Захотел он было взять во двор какую ни есть старушку бобылку, чтобы она по хозяйству заботилась. А меньшая дочь, Марьюшка, говорит отцу:

- Не надобно, батюшка, бобылку брать, я сама буду по дому заботиться.

Марья радетельная была. А старшие дочери ничего не сказали.

Стала Марьюшка вместо своей матери хозяйство по дому вести. И все-то она умеет, все у нее ладится, а что не умеет, к тому привыкает, а привыкши, тоже ладит с делом. Отец глядит на младшую дочь и радуется. Рад он был, что

Марьюшка у него такая умница, да работающая, и нравом кроткая. И из себя Марьюшка была хороша - красавица писаная, а от доброты красота ее прибавлялась. Сестры ее старшие тоже были красавицы, только им все мало казалось своей красоты, и они старались прибавить ее румянами и белилами. Сидят, бывало, две старшие сестрицы да целый день охорашиваются, а к вечеру все такие же, что и утром были. Заметят они, что день прошел, сколько румян и белил они извели, а лучше не стали, и сидят сердитые. А Марьюшка устанет к вечеру, зато знает она, что скотина накормлена, в избе чисто прибрано, ужин она приготовила, хлеб на завтра замесила и батюшка будет ею доволен. Глянет она на сестер своими радостными глазами и ничего им не скажет. А старшие сестры тогда еще более сердятся. Им кажется, что Марья-то утром не такая была, а к вечеру похорошела, - с чего только, они не знают.

Пришла нужда отцу на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей:

- А что вам, детушки, купить, чем вас порадовать?

Старшая дочь говорит отцу:

- Купи мне, батюшка, полушалок, да чтоб цветы на нем большие были и золотом расписанные.

- А мне, батюшка, - средняя говорит, - тоже купи полушалок с цветами, что золотом расписанные, а посреди цветов чтоб красное было. А еще купи мне сапожки с мягкими голенищами, на высоких каблукках, чтоб они о землю топали.

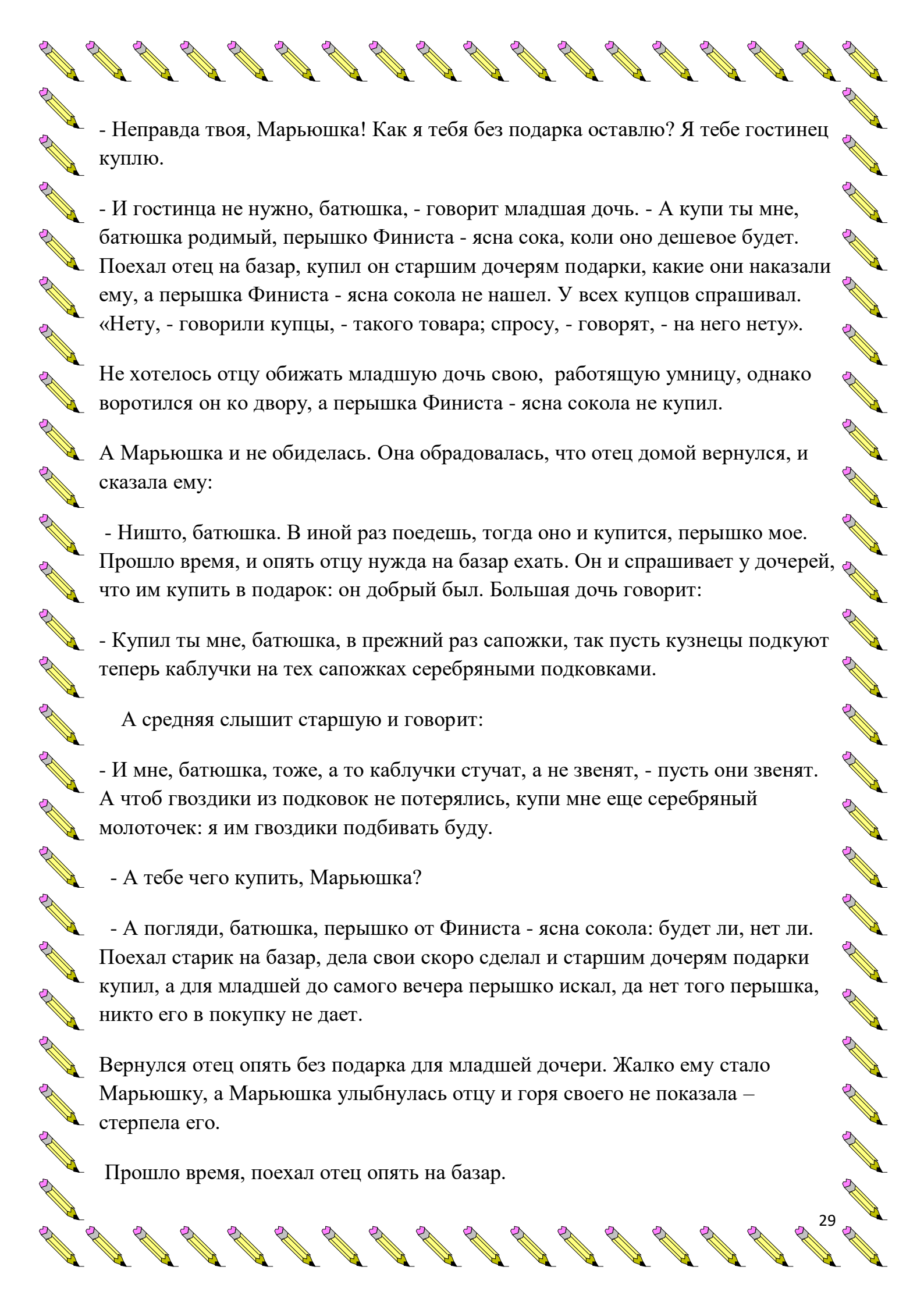
Старшая дочь обиделась на среднюю и сказала отцу:

- И мне, батюшка, и мне купи сапожки с мягкими голенища и с каблукками, чтоб они о землю топали! А еще купи мне перстень с камешком на палец - ведь у тебя одна старшая дочь.

Отец пообещал купить подарки, какие наказали две старшие дочери, и спрашивает у младшей:

- А ты чего молчишь, Марьюшка?

- А мне, батюшка, ничего не надо. Я со двора никуда не хожу, нарядов мне не нужно.

- Неправда твоя, Марьюшка! Как я тебя без подарка оставлю? Я тебе гостинец куплю.

- И гостинца не нужно, батюшка, - говорит младшая дочь. - А купи ты мне, батюшка родимый, перышко Финиста - ясна сока, коли оно дешевое будет. Поехал отец на базар, купил он старшим дочерям подарки, какие они наказали ему, а перышка Финиста - ясна сокола не нашел. У всех купцов спрашивал. «Нет, - говорили купцы, - такого товара; спросу, - говорят, - на него нету».

Не хотелось отцу обижать младшую дочь свою, работящую умницу, однако воротился он ко двору, а перышка Финиста - ясна сокола не купил.

А Марьюшка и не обиделась. Она обрадовалась, что отец домой вернулся, и сказала ему:

- Ништо, батюшка. В иной раз поедешь, тогда оно и купится, перышко мое. Прошло время, и опять отцу нужда на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей, что им купить в подарок: он добрый был. Большая дочь говорит:

- Купил ты мне, батюшка, в прежний раз сапожки, так пусть кузнецы подкуют теперь каблучки на тех сапожках серебряными подковками.

А средняя слышит старшую и говорит:

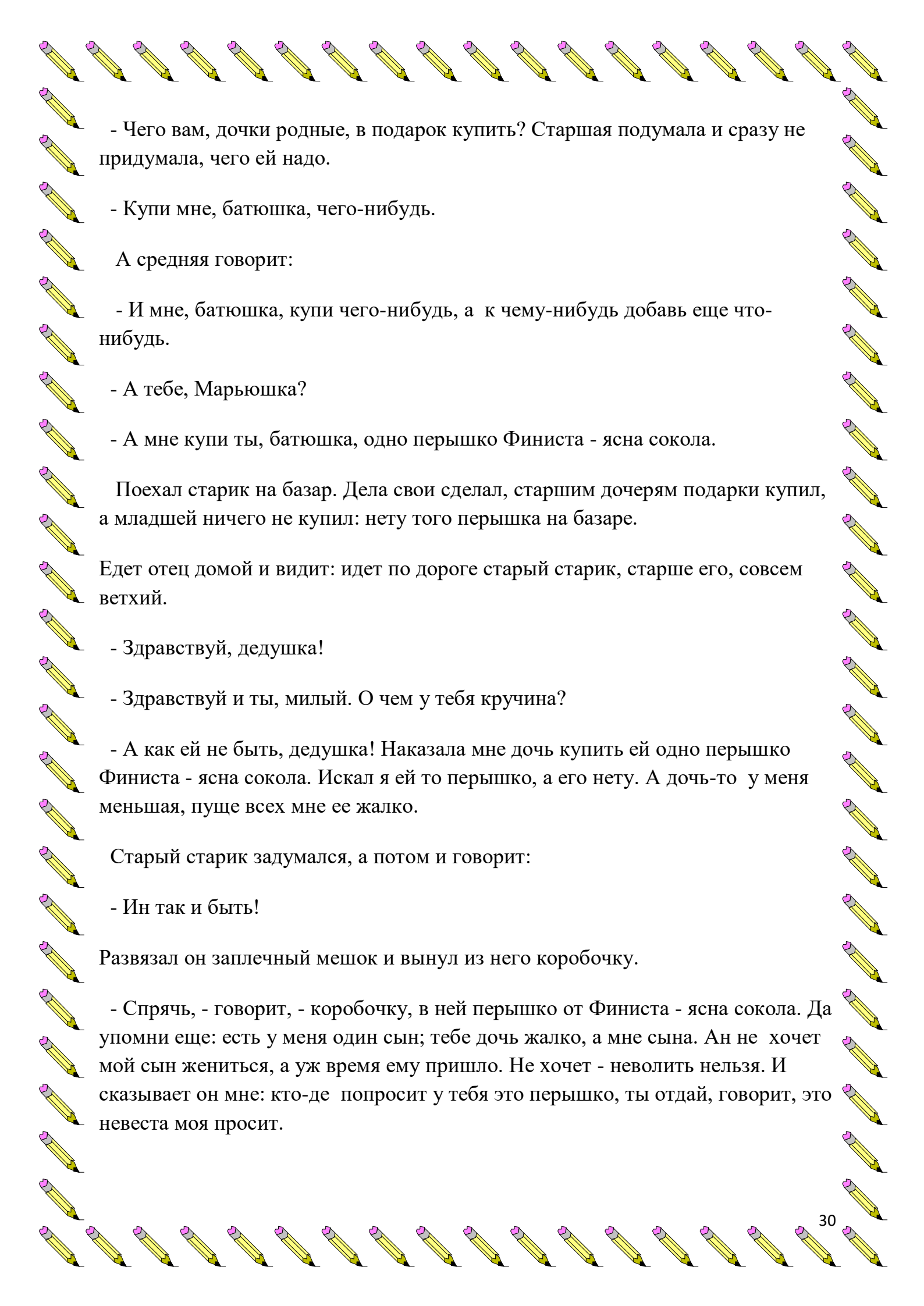
- И мне, батюшка, тоже, а то каблучки стучат, а не звенят, - пусть они звенят. А чтоб гвоздики из подковок не потерялись, купи мне еще серебряный молоточек: я им гвоздики подбивать буду.

- А тебе чего купить, Марьюшка?

- А погляди, батюшка, перышко от Финиста - ясна сокола: будет ли, нет ли. Поехал старик на базар, дела свои скоро сделал и старшим дочерям подарки купил, а для младшей до самого вечера перышко искал, да нет того перышка, никто его в покупку не дает.

Вернулся отец опять без подарка для младшей дочери. Жалко ему стало Марьюшку, а Марьюшка улыбнулась отцу и горя своего не показала – стерпела его.

Прошло время, поехал отец опять на базар.

- Чего вам, дочки родные, в подарок купить? Старшая подумала и сразу не придумала, чего ей надо.

- Купи мне, батюшка, чего-нибудь.

А средняя говорит:

- И мне, батюшка, купи чего-нибудь, а к чему-нибудь добавь еще что-нибудь.

- А тебе, Марьюшка?

- А мне купи ты, батюшка, одно перышко Финиста - ясна сокола.

Поехал старик на базар. Дела свои сделал, старшим дочерям подарки купил, а младшей ничего не купил: нету того перышка на базаре.

Едет отец домой и видит: идет по дороге старый старик, старше его, совсем ветхий.

- Здравствуй, дедушка!

- Здравствуй и ты, милый. О чем у тебя кручина?

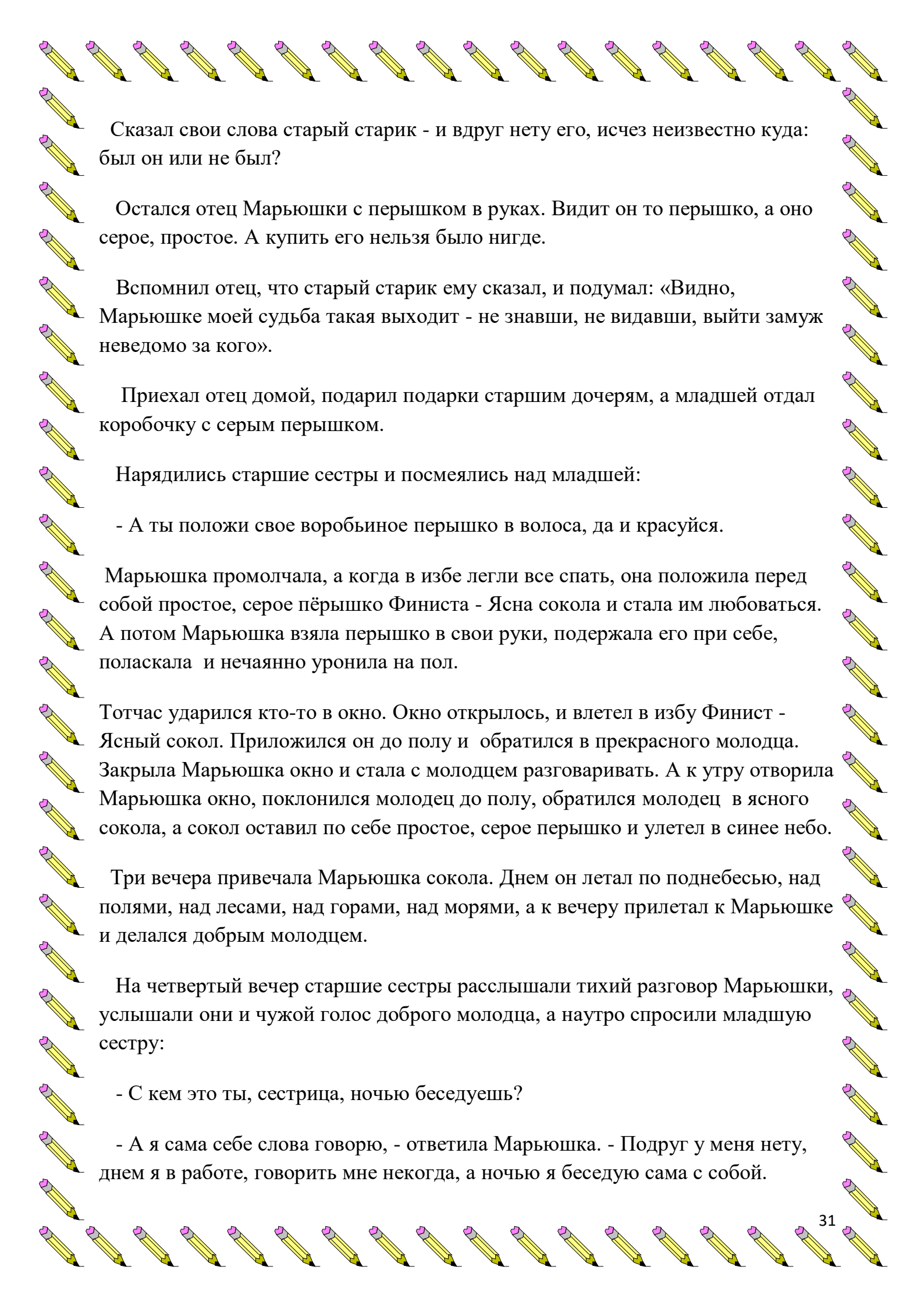
- А как ей не быть, дедушка! Наказала мне дочь купить ей одно перышко Финиста - ясна сокола. Искал я ей то перышко, а его нету. А дочь-то у меня меньшая, пуще всех мне ее жалко.

Старый старик задумался, а потом и говорит:

- Ин так и быть!

Развязал он заплечный мешок и вынул из него коробочку.

- Спрячь, - говорит, - коробочку, в ней перышко от Финиста - ясна сокола. Да упомни еще: есть у меня один сын; тебе дочь жалко, а мне сына. Ан не хочет мой сын жениться, а уж время ему пришло. Не хочет - неволить нельзя. И сказывает он мне: кто-де попросит у тебя это перышко, ты отдай, говорит, это невеста моя просит.

Сказал свои слова старый старик - и вдруг нету его, исчез неизвестно куда: был он или не был?

Остался отец Марьюшки с перышком в руках. Видит он то перышко, а оно серое, простое. А купить его нельзя было нигде.

Вспомнил отец, что старый старик ему сказал, и подумал: «Видно, Марьюшке моей судьба такая выходит - не знаяши, не выдавши, выйти замуж неведомо за кого».

Приехал отец домой, подарил подарки старшим дочерям, а младшей отдал коробочку с серым перышком.

Нарядились старшие сестры и посмеялись над младшей:

- А ты положи свое воробьиное перышко в волосы, да и красуйся.

Марьюшка промолчала, а когда в избе легли все спать, она положила перед собой простое, серое перышко Финиста - Ясна сокола и стала им любоваться. А потом Марьюшка взяла перышко в свои руки, подержала его при себе, поласкала и нечаянно уронила на пол.

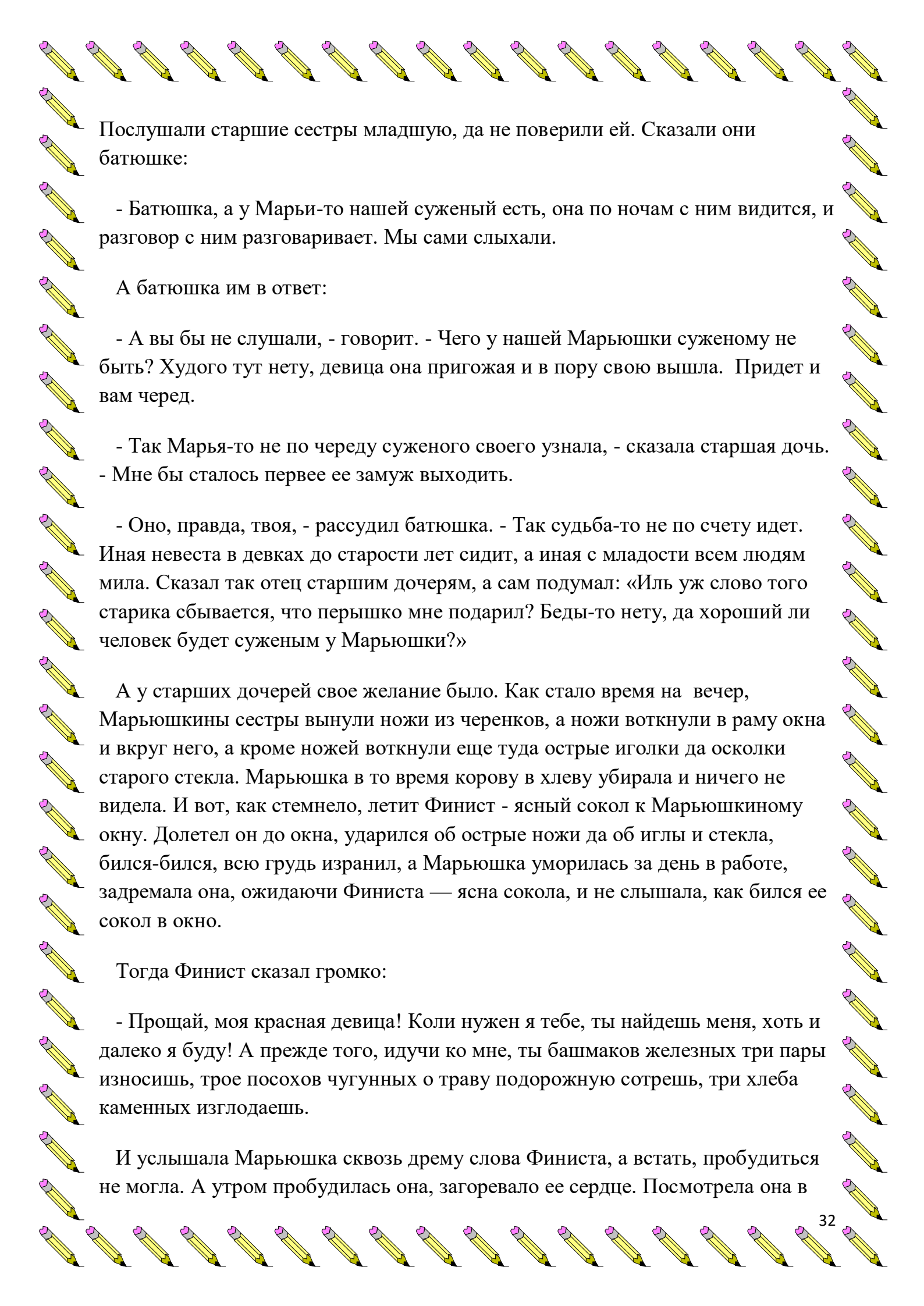
Тотчас ударился кто-то в окно. Окно открылось, и влетел в избу Финист - Ясный сокол. Приложился он до полу и обратился в прекрасного молодца. Закрывает Марьюшка окно и стала с молодцем разговаривать. А к утру отворила Марьюшка окно, поклонился молодец до полу, обратился молодец в ясного сокола, а сокол оставил по себе простое, серое перышко и улетел в синее небо.

Три вечера привечала Марьюшка сокола. Днем он летал по поднебесью, над полями, над лесами, над горами, над морями, а к вечеру прилетал к Марьюшке и делался добрым молодцем.

На четвертый вечер старшие сестры расслышали тихий разговор Марьюшки, слышали они и чужой голос доброго молодца, а наутро спросили младшую сестру:

- С кем это ты, сестрица, ночью беседуешь?

- А я сама себе слова говорю, - ответила Марьюшка. - Подруг у меня нету, днем я в работе, говорить мне некогда, а ночью я беседую сама с собой.

Послушали старшие сестры младшую, да не поверили ей. Сказали они батюшке:

- Батюшка, а у Марьи-то нашей суженый есть, она по ночам с ним видится, и разговор с ним разговаривает. Мы сами слышали.

А батюшка им в ответ:

- А вы бы не слушали, - говорит. - Чего у нашей Марьюшки суженому не быть? Худого тут нету, девица она пригожая и в пору свою вышла. Придет и вам черед.

- Так Марья-то не по череду суженого своего узнала, - сказала старшая дочь. - Мне бы случилось первее ее замуж выходить.

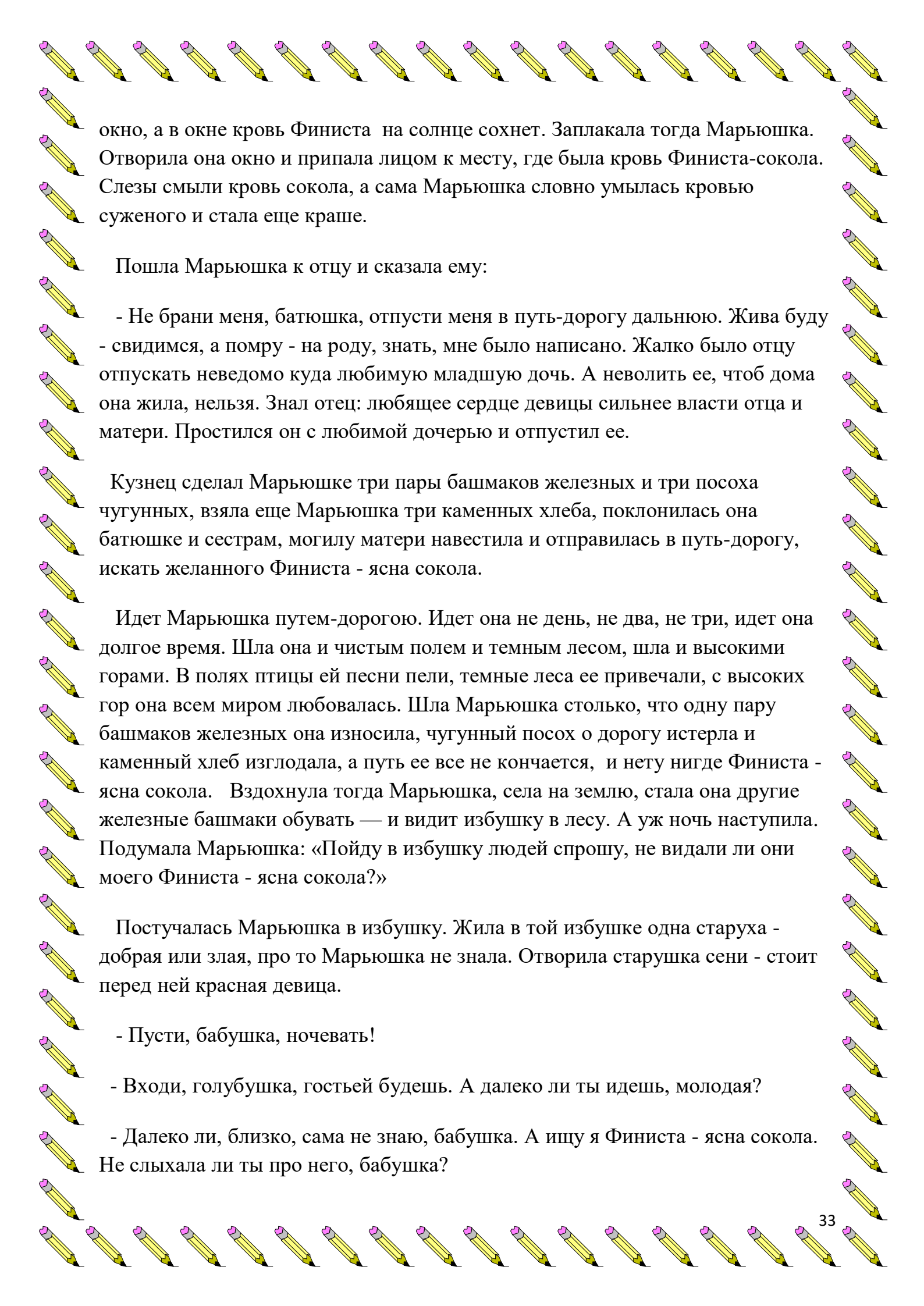
- Оно, правда, твоя, - рассудил батюшка. - Так судьба-то не по счету идет. Иная невеста в девках до старости лет сидит, а иная с младости всем людям мила. Сказал так отец старшим дочерям, а сам подумал: «Иль уж слово того старика сбывается, что перышко мне подарил? Беды-то нету, да хороший ли человек будет суженым у Марьюшки?»

А у старших дочерей свое желание было. Как стало время на вечер, Марьюшкины сестры вынули ножи из черенков, а ножи воткнули в раму окна и вокруг него, а кроме ножей воткнули еще туда острые иголки да осколки старого стекла. Марьюшка в то время корову в хлеву убирала и ничего не видела. И вот, как стемнело, летит Финист - ясный сокол к Марьюшкиному окну. Долетел он до окна, ударился об острые ножи да об иглы и стекла, бился-бился, всю грудь изранил, а Марьюшка умиралась за день в работе, задремала она, ожидаючи Финиста — ясна сокола, и не слышала, как бился ее сокол в окно.

Тогда Финист сказал громко:

- Прощай, моя красная девица! Коли нужен я тебе, ты найдешь меня, хоть и далеко я буду! А прежде того, идучи ко мне, ты башмаков железных три пары износишь, трое посохов чугунных о траву подорожную сотрешь, три хлеба каменных изглодаешь.

И услышала Марьюшка сквозь дрему слова Финиста, а встать, пробудиться не могла. А утром пробудилась она, загоревало ее сердце. Посмотрела она в

окно, а в окне кровь Финиста на солнце сохнет. Заплакала тогда Марьюшка. Отворила она окно и припала лицом к месту, где была кровь Финиста-сокола. Слезы смыли кровь сокола, а сама Марьюшка словно умылась кровью суженого и стала еще краше.

Пошла Марьюшка к отцу и сказала ему:

- Не брани меня, батюшка, отпусти меня в путь-дорогу дальнюю. Жива буду - свидимся, а помру - на роду, знать, мне было написано. Жалко было отцу отпускать неведомо куда любимую младшую дочь. А неволить ее, чтоб дома она жила, нельзя. Знал отец: любящее сердце девицы сильнее власти отца и матери. Простился он с любимой дочерью и отпустил ее.

Кузнец сделал Марьюшке три пары башмаков железных и три посоха чугунных, взяла еще Марьюшка три каменных хлеба, поклонилась она батюшке и сестрам, могилу матери навестила и отправилась в путь-дорогу, искать желанного Финиста - ясна сокола.

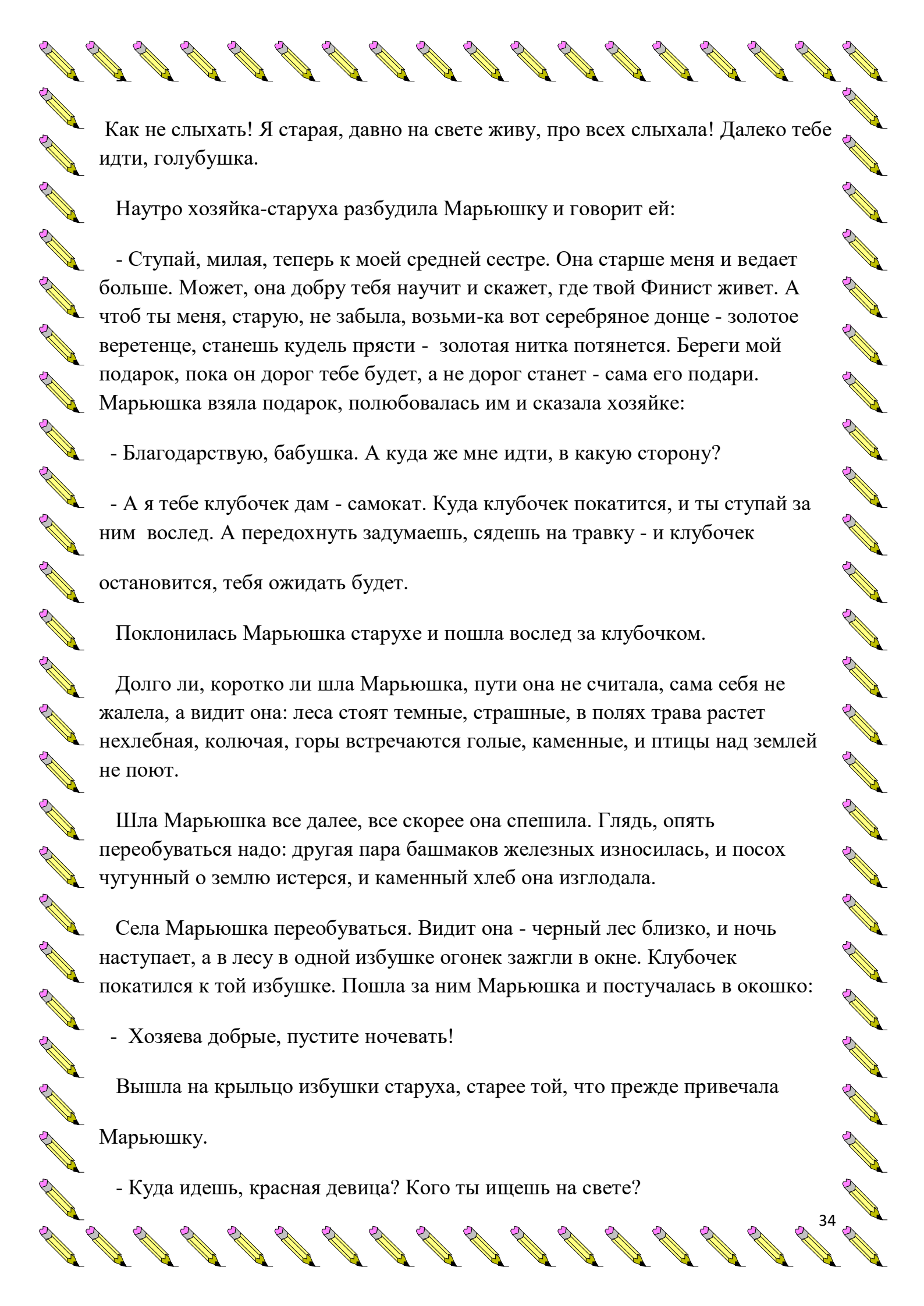
Идет Марьюшка путем-дорогою. Идет она не день, не два, не три, идет она долгое время. Шла она и чистым полем и темным лесом, шла и высокими горами. В полях птицы ей песни пели, темные леса ее привечали, с высоких гор она всем миром любовалась. Шла Марьюшка столько, что одну пару башмаков железных она износила, чугунный посох о дорогу истерла и каменный хлеб изглодала, а путь ее все не кончается, и нету нигде Финиста - ясна сокола. Вздохнула тогда Марьюшка, села на землю, стала она другие железные башмаки обувать — и видит избушку в лесу. А уж ночь наступила. Подумала Марьюшка: «Пойду в избушку людей спрошу, не видали ли они моего Финиста - ясна сокола?»

Постучалась Марьюшка в избушку. Жила в той избушке одна старуха - добрая или злая, про то Марьюшка не знала. Отворила старушка сени - стоит перед ней красная девица.

- Пусти, бабушка, ночевать!

- Входи, голубушка, гостьей будешь. А далеко ли ты идешь, молодая?

- Далеко ли, близко, сама не знаю, бабушка. А ищу я Финиста - ясна сокола. Не слыхала ли ты про него, бабушка?

Как не слышать! Я старая, давно на свете живу, про всех слыхала! Далеко тебе идти, голубушка.

Наутро хозяйка-старуха разбудила Марьюшку и говорит ей:

- Ступай, милая, теперь к моей средней сестре. Она старше меня и знает больше. Может, она добру тебя научит и скажет, где твой Финист живет. А чтоб ты меня, старую, не забыла, возьми-ка вот серебряное донце - золотое веретенце, станешь кудель прясти - золотая нитка потянется. Береги мой подарок, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет - сама его подари.

Марьюшка взяла подарок, полюбовалась им и сказала хозяйке:

- Благодарствую, бабушка. А куда же мне идти, в какую сторону?

- А я тебе клубочек дам - самокат. Куда клубочек покатится, и ты ступай за ним вослед. А передохнуть задумаешь, сядешь на травку - и клубочек остановится, тебя ожидать будет.

Поклонилась Марьюшка старухе и пошла вослед за клубочком.

Долго ли, коротко ли шла Марьюшка, пути она не считала, сама себя не жалела, а видит она: леса стоят темные, страшные, в полях трава растет нехлебная, колючая, горы встречаются голые, каменные, и птицы над землей не поют.

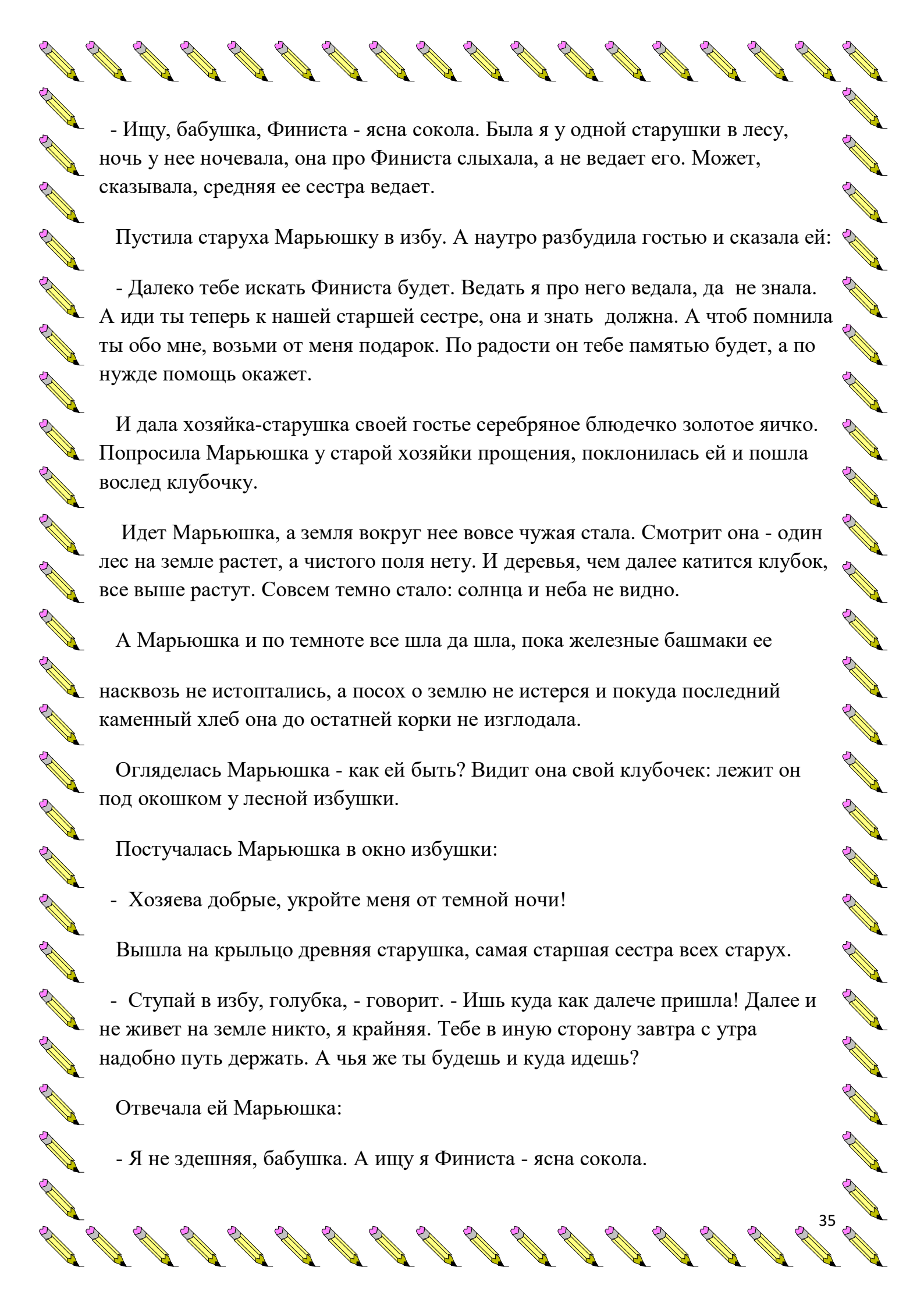
Шла Марьюшка все далее, все скорее она спешила. Глядь, опять переобуваться надо: другая пара башмаков железных износилась, и посох чугунный о землю истерся, и каменный хлеб она изглодала.

Села Марьюшка переобуваться. Видит она - черный лес близко, и ночь наступает, а в лесу в одной избушке огонек зажгли в окне. Клубочек покотился к той избушке. Пошла за ним Марьюшка и постучалась в окошко:

- Хозяева добрые, пустите ночевать!

Вышла на крыльцо избушки старуха, старее той, что прежде привечала Марьюшку.

- Куда идешь, красная девица? Кого ты ищешь на свете?

- Ищу, бабушка, Финиста - ясна сокола. Была я у одной старушки в лесу, ночь у нее ночевала, она про Финиста слыхала, а не ведает его. Может, сказывала, средняя ее сестра ведает.

Пустила старуха Марьюшку в избу. А наутро разбудила гостью и сказала ей:

- Далеко тебе искать Финиста будет. Ведать я про него ведала, да не знала. А иди ты теперь к нашей старшей сестре, она и знать должна. А чтоб помнила ты обо мне, возьми от меня подарок. По радости он тебе памятью будет, а по нужде помощь окажет.

И дала хозяйка-старушка своей гостье серебряное блюдечко золотое яичко. Попросила Марьюшка у старой хозяйки прощения, поклонилась ей и пошла вослед клубочку.

Идет Марьюшка, а земля вокруг нее вовсе чужая стала. Смотрит она - один лес на земле растет, а чистого поля нету. И деревья, чем далее катится клубок, все выше растут. Совсем темно стало: солнца и неба не видно.

А Марьюшка и по темноте все шла да шла, пока железные башмаки ее насквозь не истоптались, а посох о землю не истерся и покуда последний каменный хлеб она до остатней корки не изглодала.

Огляделась Марьюшка - как ей быть? Видит она свой клубочек: лежит он под окошком у лесной избушки.

Постучалась Марьюшка в окно избушки:

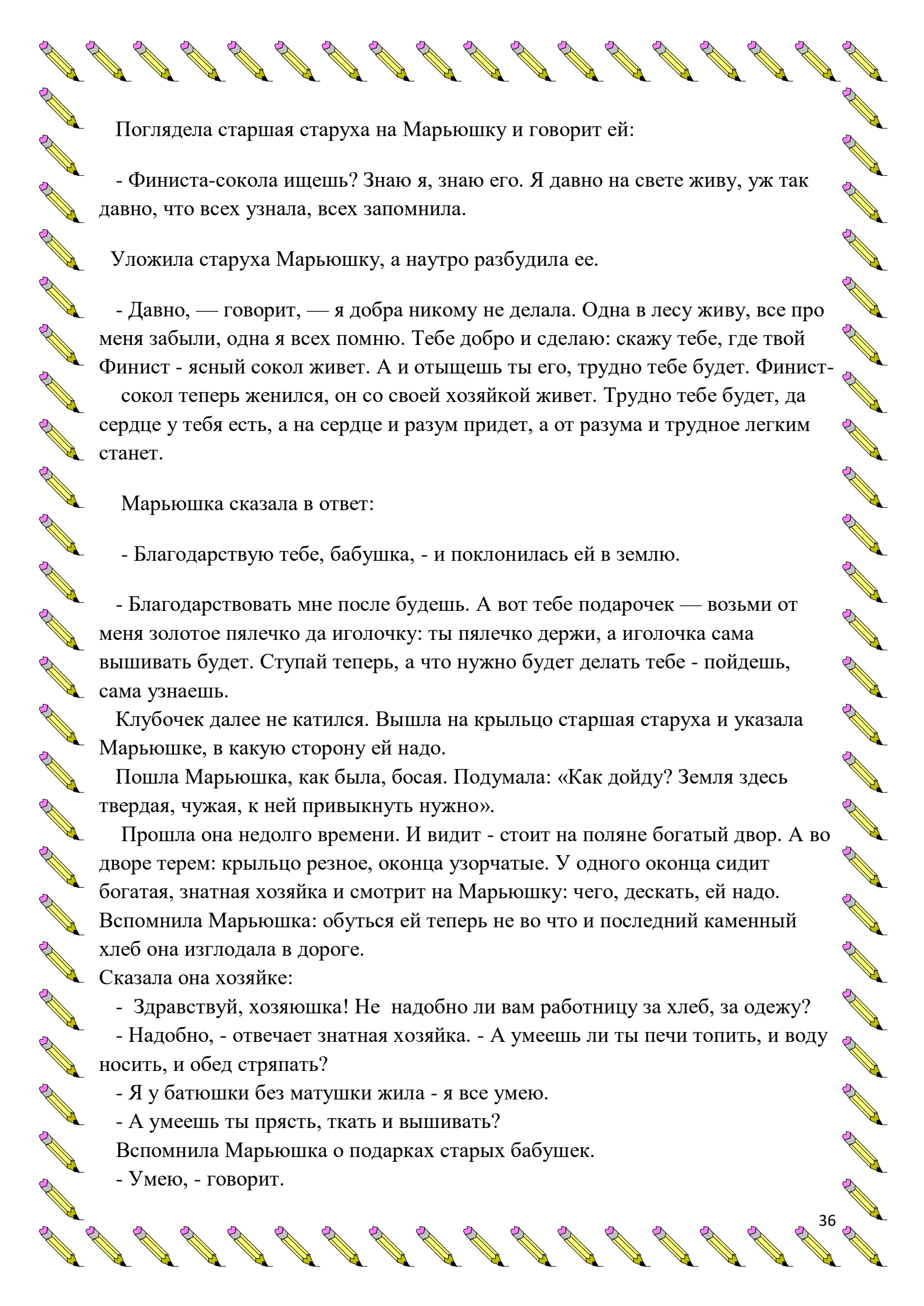
- Хозяева добрые, укройте меня от темной ночи!

Вышла на крыльцо древняя старушка, самая старшая сестра всех старух.

- Ступай в избу, голубка, - говорит. - Ишь куда как далече пришла! Далее и не живет на земле никто, я крайняя. Тебе в иную сторону завтра с утра надобно путь держать. А чья же ты будешь и куда идешь?

Отвечала ей Марьюшка:

- Я не здешняя, бабушка. А ищу я Финиста - ясна сокола.

Поглядела старшая старуха на Марьюшку и говорит ей:

- Финиста-сокола ищешь? Знаю я, знаю его. Я давно на свете живу, уж так давно, что всех узнала, всех запомнила.

Уложила старуха Марьюшку, а наутро разбудила ее.

- Давно, — говорит, — я добра никому не делала. Одна в лесу живу, все про меня забыли, одна я всех помню. Тебе добро и сделаю: скажу тебе, где твой Финист - ясный сокол живет. А и отыщешь ты его, трудно тебе будет. Финист-сокол теперь женился, он со своей хозяйкой живет. Трудно тебе будет, да сердце у тебя есть, а на сердце и разум придет, а от разума и трудное легким станет.

Марьюшка сказала в ответ:

- Благодарствую тебе, бабушка, - и поклонилась ей в землю.

- Благодарствовать мне после будешь. А вот тебе подарочек — возьми от меня золотое пялечко да иголочку: ты пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ступай теперь, а что нужно будет делать тебе - пойдешь, сама узнаешь.

Клубочек далее не катился. Вышла на крыльцо старшая старуха и указала Марьюшке, в какую сторону ей надо.

Пошла Марьюшка, как была, босая. Подумала: «Как дойду? Земля здесь твердая, чужая, к ней привыкнуть нужно».

Прошла она недолго времени. И видит - стоит на поляне богатый двор. А во дворе терем: крыльцо резное, оконца узорчатые. У одного оконца сидит богатая, знатная хозяйка и смотрит на Марьюшку: чего, дескать, ей надо. Вспомнила Марьюшка: обуться ей теперь не во что и последний каменный хлеб она изглодала в дороге.

Сказала она хозяйке:

- Здравствуй, хозяйюшка! Не надобно ли вам работницу за хлеб, за одежду?

- Надобно, - отвечает знатная хозяйка. - А умеешь ли ты печи топить, и воду носить, и обед стряпать?

- Я у батюшки без матушки жила - я все умею.

- А умеешь ты прясть, ткать и вышивать?

Вспомнила Марьюшка о подарках старых бабушек.

- Умею, - говорит.

- Ступай тогда, - хозяйка говорит, - на кухню людскую.

Стала Марьюшка работать и служить на чужом богатом дворе. Руки у Марьюшки честные, усердны - всякое дело ладится у ней.

Хозяйка глядит на Марьюшку да радуется: не было еще у нее такой услужливой, да доброй, да смышленной работницы; и хлеб Марьюшка ест простой, запивает его квасом, а чаю не просит. Похвалилась хозяйка своей дочери.

- Смотри, - говорит, - работница какая у нас во дворе: покорная да умелая и на лицо ласковая! Пострела хозяйкина дочь на Марьюшку.

- Фу! – говорит, - пусть она ласковая, а я, зато краше ее, и я телом белее! Вечером, как управилась с хозяйскими работами, села Марьюшка прядь. Села она на лавку, достала серебряное донце и золотое веретенце и прядет. Прядет она, из кудели нитка тянется - нитка не простая, а золотая; прядет она, а сама глядит в серебряное донце, и чудится ей, что видит она там Финиста — ясна сокола: смотрит он на нее, как живой на свете. Глядит Марьюшка на него и разговаривает с ним:

- Финист мой, Финист - ясный сокол, зачем ты оставил меня одну, горькую, плакать по тебе? Это сестры мои, разлучницы, кровь твою пролили.

А хозяйкина дочь вошла в ту пору в людскую избу, стоит поодаль, глядит и слушает.

- О ком ты горюешь, девица? - спрашивает она. - И какая тебя забава в руках? Марьюшка говорит ей:

- Горюю я о Финисте - ясном соколе. А это я нить пряду, полотенце Финисту буду вышивать - было бы ему, чем поутру белое лицо утирать.

- А продай мне свою забаву! - говорит хозяйкина дочь. – Ан Финист-то муж мой, я и сама ему нить спряду.

Посмотрела Марьюшка на хозяйкину дочь, становила свое золотое веретенце и говорит:

- А у меня забавы нету, у меня работа в руках. А серебряное донце - золотое веретенце не продается: мне добрая бабушка его подарила.

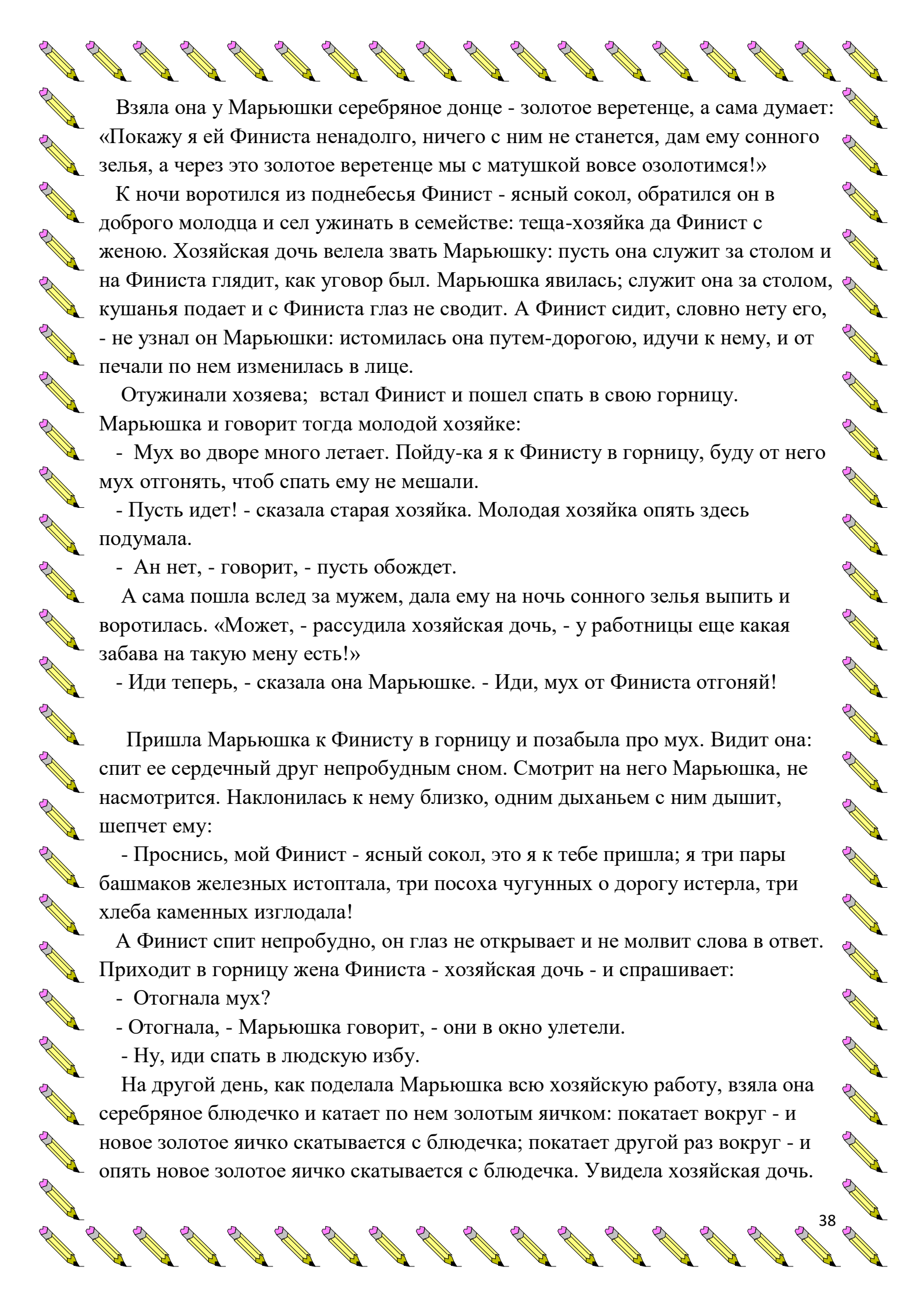
Обиделась хозяйская дочь: не хотелось ей золотое веретенце из рук своих упускать.

- Если не продается, - говорит, - давай тогда мену делать, я тебе тоже вещь подарю.

- Подари, - сказала Марьюшка, - дозвожь мне на Финиста - ясна сокола хоть раз одним глазом взглянуть!

Хозяйская дочь подумала и согласилась.

- Изволь, девица, - говорит. - Давай мне твою забаву.

Взяла она у Марьюшки серебряное донце - золотое веретенце, а сама думает: «Покажу я ей Финиста ненадолго, ничего с ним не станется, дам ему сонного зелья, а через это золотое веретенце мы с матушкой вовсе озолотимся!»

К ночи воротился из поднебесья Финист - ясный сокол, обратился он в доброго молодца и сел ужинать в семействе: теща-хозяйка да Финист с женою. Хозяйская дочь велела звать Марьюшку: пусть она служит за столом и на Финиста глядит, как уговор был. Марьюшка явилась; служит она за столом, кушанья подает и с Финиста глаз не сводит. А Финист сидит, словно нету его, - не узнал он Марьюшки: истомилась она путем-дорогою, идучи к нему, и от печали по нем изменилась в лице.

Отужинали хозяева; встал Финист и пошел спать в свою горницу. Марьюшка и говорит тогда молодой хозяйке:

- Мух во дворе много летает. Пойду-ка я к Финисту в горницу, буду от него мух отгонять, чтоб спать ему не мешали.

- Пусть идет! - сказала старая хозяйка. Молодая хозяйка опять здесь подумала.

- Ан нет, - говорит, - пусть обождет.

А сама пошла вслед за мужем, дала ему на ночь сонного зелья выпить и воротилась. «Может, - рассудила хозяйская дочь, - у работницы еще какая забава на такую мену есть!»

- Иди теперь, - сказала она Марьюшке. - Иди, мух от Финиста отгоняй!

Пришла Марьюшка к Финисту в горницу и позабыла про мух. Видит она: спит ее сердечный друг непробудным сном. Смотрит на него Марьюшка, не насмотрится. Наклонилась к нему близко, одним дыханьем с ним дышит, шепчет ему:

- Проснись, мой Финист - ясный сокол, это я к тебе пришла; я три пары башмаков железных истоптала, три посоха чугунных о дорогу истерла, три хлеба каменных изглодала!

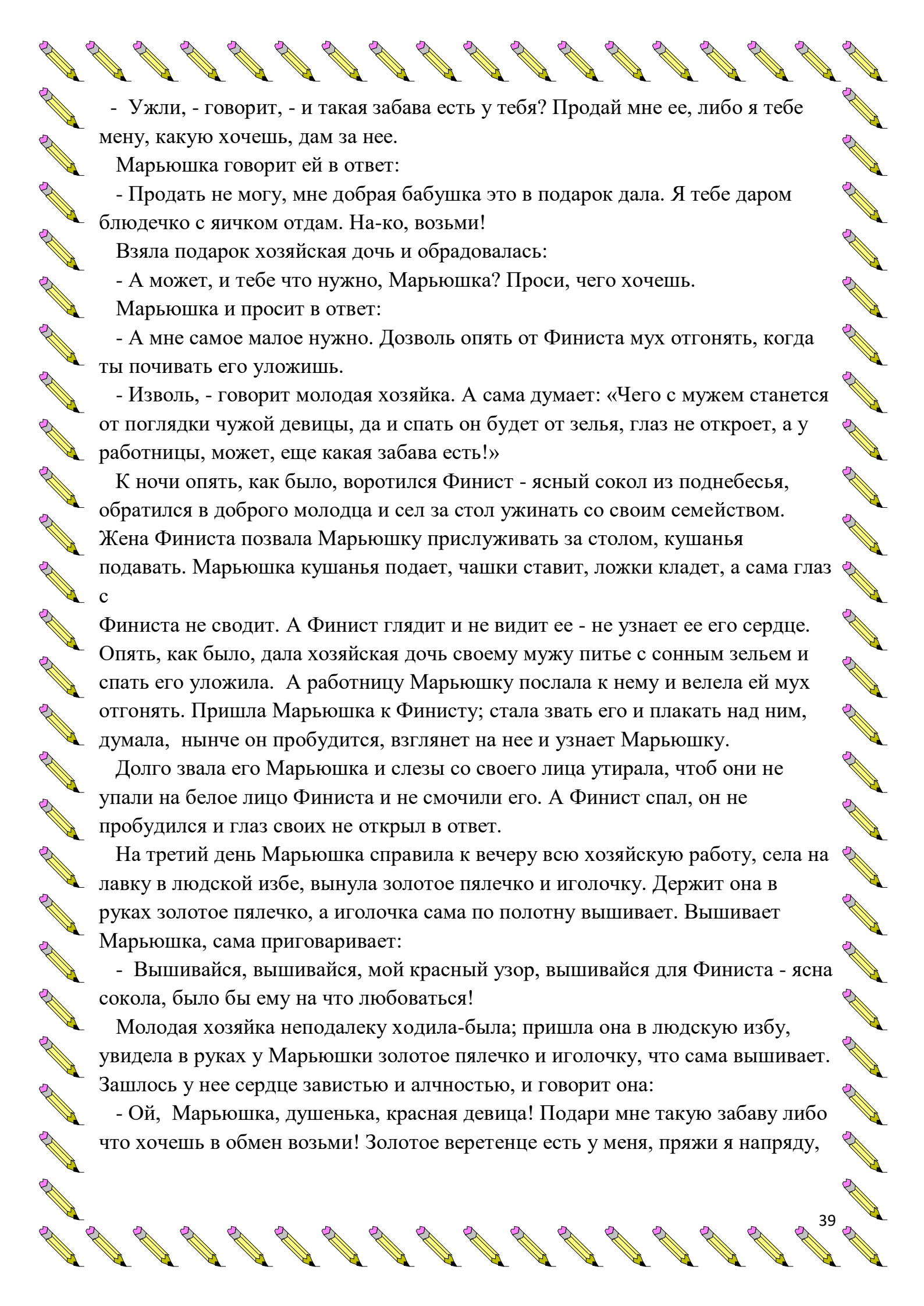
А Финист спит непробудно, он глаз не открывает и не молвит слова в ответ. Приходит в горницу жена Финиста - хозяйская дочь - и спрашивает:

- Отогнала мух?

- Отогнала, - Марьюшка говорит, - они в окно улетели.

- Ну, иди спать в людскую избу.

На другой день, как поделала Марьюшка всю хозяйскую работу, взяла она серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: покатает вокруг - и новое золотое яичко скатывается с блюдечка; покатает другой раз вокруг - и опять новое золотое яичко скатывается с блюдечка. Увидела хозяйская дочь.

- Ужли, - говорит, - и такая забава есть у тебя? Продай мне ее, либо я тебе мену, какую хочешь, дам за нее.

Марьюшка говорит ей в ответ:

- Продать не могу, мне добрая бабушка это в подарок дала. Я тебе даром блюдечко с яичком отдам. На-ко, возьми!

Взяла подарок хозяйская дочь и обрадовалась:

- А может, и тебе что нужно, Марьюшка? Проси, чего хочешь.

Марьюшка и просит в ответ:

- А мне самое малое нужно. Дозволь опять от Финиста мух отгонять, когда ты почивать его уложишь.

- Изволь, - говорит молодая хозяйка. А сама думает: «Чего с мужем станется от поглядки чужой девицы, да и спать он будет от зелья, глаз не откроет, а у работницы, может, еще какая забава есть!»

К ночи опять, как было, воротился Финист - ясный сокол из поднебесья, обратился в доброго молодца и сел за стол ужинать со своим семейством. Жена Финиста позвала Марьюшку прислуживать за столом, кушанья подавать. Марьюшка кушанья подает, чашки ставит, ложки кладет, а сама глаз с

Финиста не сводит. А Финист глядит и не видит ее - не узнает ее его сердце. Опять, как было, дала хозяйская дочь своему мужу питье с сонным зельем и спать его уложила. А работницу Марьюшку послала к нему и велела ей мух отгонять. Пришла Марьюшка к Финисту; стала звать его и плакать над ним, думала, нынче он пробудится, взглянет на нее и узнает Марьюшку.

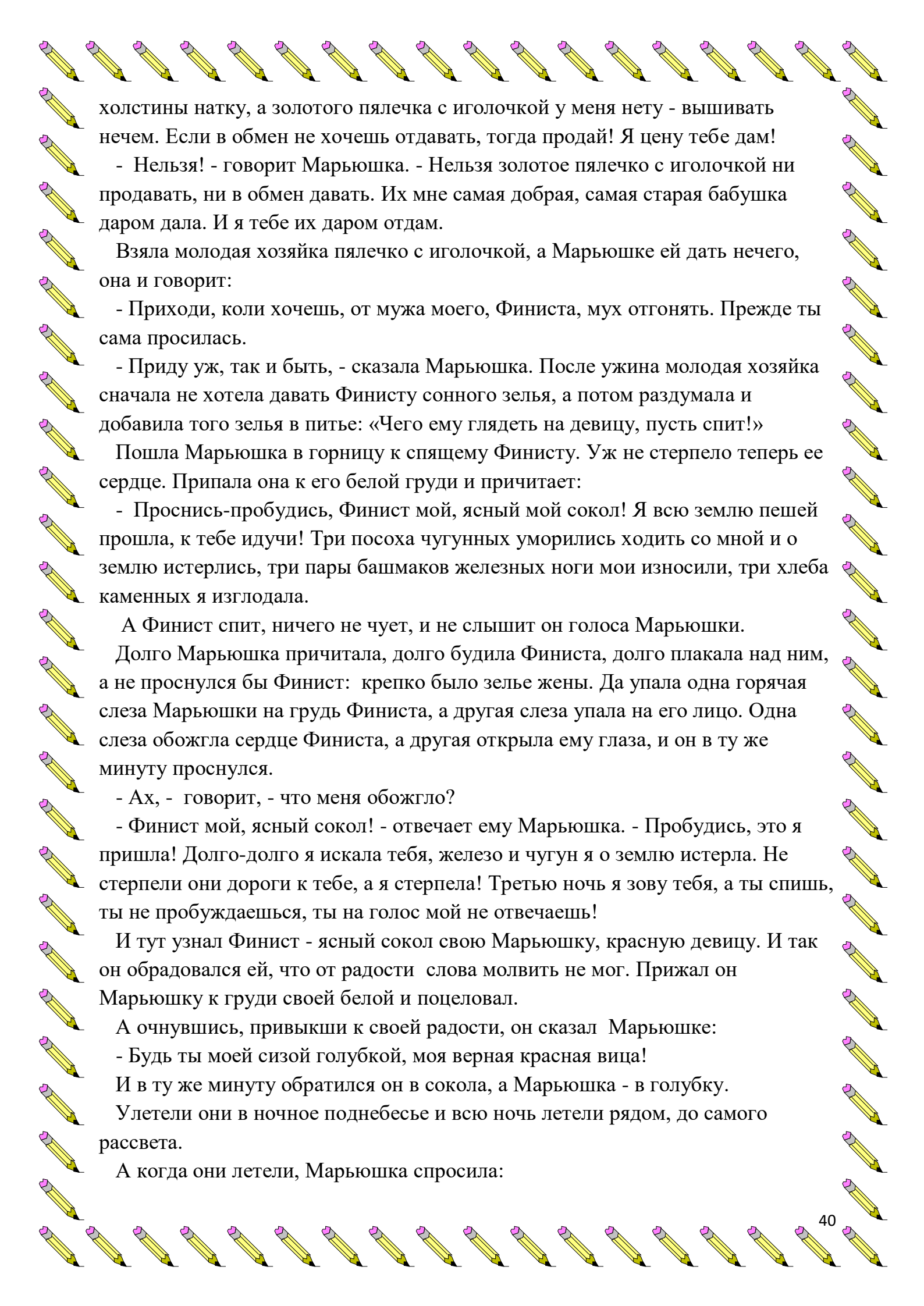
Долго звала его Марьюшка и слезы со своего лица утирала, чтоб они не упали на белое лицо Финиста и не смочили его. А Финист спал, он не пробудился и глаз своих не открыл в ответ.

На третий день Марьюшка справила к вечеру всю хозяйскую работу, села на лавку в людской избе, вынула золотое пялечко и иголочку. Держит она в руках золотое пялечко, а иголочка сама по полотну вышивает. Вышивает Марьюшка, сама приговаривает:

- Вышивайся, вышивайся, мой красный узор, вышивайся для Финиста - ясна сокола, было бы ему на что любоваться!

Молодая хозяйка неподалеку ходила-была; пришла она в людскую избу, увидела в руках у Марьюшки золотое пялечко и иголочку, что сама вышивает. Заплось у нее сердце завистью и алчностью, и говорит она:

- Ой, Марьюшка, душенька, красная девица! Подари мне такую забаву либо что хочешь в обмен возьми! Золотое веретенце есть у меня, пряхи я напряду,

холстины натку, а золотого пялечка с иголочкой у меня нету - вышивать нечем. Если в обмен не хочешь отдавать, тогда продай! Я цену тебе дам!

- Нельзя! - говорит Марьюшка. - Нельзя золотое пялечко с иголочкой ни продавать, ни в обмен давать. Их мне самая добрая, самая старая бабушка даром дала. И я тебе их даром отдам.

Взяла молодая хозяйка пялечко с иголочкой, а Марьюшке ей дать нечего, она и говорит:

- Приходи, коли хочешь, от мужа моего, Финиста, мух отгонять. Прежде ты сама просилась.

- Приду уж, так и быть, - сказала Марьюшка. После ужина молодая хозяйка сначала не хотела давать Финисту сонного зелья, а потом раздумала и добавила того зелья в питье: «Чего ему глядеть на девицу, пусть спит!»

Пошла Марьюшка в горницу к спящему Финисту. Уж не стерпело теперь ее сердце. Припала она к его белой груди и причитает:

- Проснись-пробудись, Финист мой, ясный мой сокол! Я всю землю пешей прошла, к тебе идучи! Три посоха чугунных уморились ходить со мной и о землю истерлись, три пары башмаков железных ноги мои износили, три хлеба каменных я изглодала.

А Финист спит, ничего не чувствует, и не слышит он голоса Марьюшки.

Долго Марьюшка причитала, долго будила Финиста, долго плакала над ним, а не проснулся бы Финист: крепко было зелье жены. Да упала одна горячая слеза Марьюшки на грудь Финиста, а другая слеза упала на его лицо. Одна слеза обожгла сердце Финиста, а другая открыла ему глаза, и он в ту же минуту проснулся.

- Ах, - говорит, - что меня обожгло?

- Финист мой, ясный сокол! - отвечает ему Марьюшка. - Пробудись, это я пришла! Долго-долго я искала тебя, железо и чугун я о землю истерла. Не стерпели они дороги к тебе, а я стерпела! Третью ночь я зову тебя, а ты спишь, ты не пробуждаешься, ты на голос мой не отвечаешь!

И тут узнал Финист - ясный сокол свою Марьюшку, красную девицу. И так он обрадовался ей, что от радости слова молвить не мог. Прижал он Марьюшку к груди своей белой и поцеловал.

А очнувшись, привыкши к своей радости, он сказал Марьюшке:

- Будь ты моей сизой голубкой, моя верная красная вица!

И в ту же минуту обратился он в сокола, а Марьюшка - в голубку.

Улетели они в ночное поднебесье и всю ночь летели рядом, до самого рассвета.

А когда они летели, Марьюшка спросила:

- Сокол, сокол, а куда ты летишь, ведь жена твоя соскучится!

Финист-сокол послушал ее и ответил:

- Я к тебе лечу, красная девица. А кто мужа меняет на веретенце, на блюдечко да на иголку, той жене мужа не надо и та жена не соскучится.

- А чего же ты женился на такой жене? - спросила Марьюшка. - Воли твоей не было?

Сокол сказал:

- Воля моя была, да судьбы и любви не было.

И они полетели далее рядом друг с другом.

На рассвете опустились они на землю. Поглядела Марьюшка вокруг, видит она: дом ее родителя стоит, как прежде был. Захотела Марьюшка увидеть отца-родителя, и тут же обратилась она в красную девицу. А Финист - ясный сокол ударился о сыру землю и сделался перышком.

Взяла Марьюшка перышко, спрятала его к себе на грудь, за пазуху, и пришла к отцу.

- Здравствуй, дочь моя меньшая, любимая! Я думал, что тебя и на свете нету. Спасибо, что отца не забыла, домой воротилась. Где была так долго, чего домой не спешила?

- Прости меня, батюшка. Так нужно мне было.

- А нужно так нужно. Спасибо, что нужда прошла.

А случилось, что на праздник, и в городе большая ярмарка открылась. Собрался наутро отец на ярмарку ехать, и старшие дочери с ним едут - подарки себе покупать.

Отец и меньшую позвал, Марьюшку.

А Марьюшка:

- Батюшка, - говорит, - я с дороги притомилась, и надеть мне на себя нечего. На ярмарке, чай, все нарядные будут.

- А я там тебя, Марьюшка, обряжу, - отвечает отец. - На ярмарке, чай, торг большой.

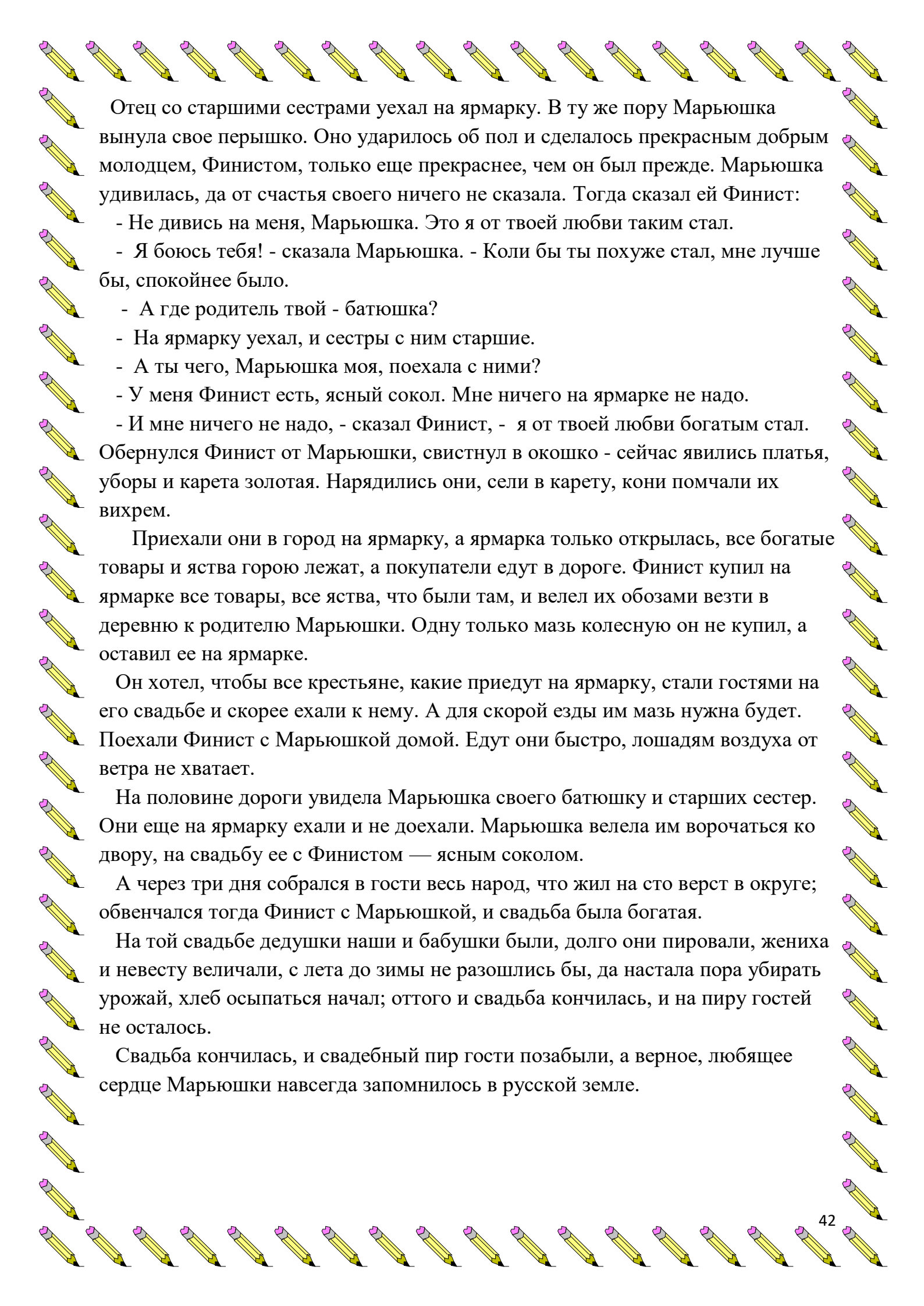
А старшие сестры говорят младшей:

- Надень наши уборы, у нас лишние есть.

- Ах, сестрицы, спасибо вам! - говорит Марьюшка. - Мне ваши платья не по кости! Да мне и дома хорошо.

- Ну, быть по-твоему, - говорит ей отец. - А что тебе с ярмарки привезти, какой подарок? Скажи, отца не обижай!

- Ах, батюшка, ничего мне не надобно, все у меня есть! Недаром я далеко ходила и в дороге утомилась.

Отец со старшими сестрами уехал на ярмарку. В ту же пору Марьюшка вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным добрым молодцем, Финистом, только еще прекраснее, чем он был прежде. Марьюшка удивилась, да от счастья своего ничего не сказала. Тогда сказал ей Финист:

- Не дивись на меня, Марьюшка. Это я от твоей любви таким стал.

- Я боюсь тебя! - сказала Марьюшка. - Коли бы ты похуже стал, мне лучше бы, спокойнее было.

- А где родитель твой - батюшка?

- На ярмарку уехал, и сестры с ним старшие.

- А ты чего, Марьюшка моя, поехала с ними?

- У меня Финист есть, ясный сокол. Мне ничего на ярмарке не надо.

- И мне ничего не надо, - сказал Финист, - я от твоей любви богатым стал.

Обернулся Финист от Марьюшки, свистнул в окошко - сейчас явились платья, уборы и карета золотая. Нарядились они, сели в карету, кони помчали их вихрем.

Приехали они в город на ярмарку, а ярмарка только открылась, все богатые товары и яства горою лежат, а покупатели едут в дороге. Финист купил на ярмарке все товары, все яства, что были там, и велел их обозами везти в деревню к родителю Марьюшки. Одну только мазь колесную он не купил, а оставил ее на ярмарке.

Он хотел, чтобы все крестьяне, какие приедут на ярмарку, стали гостями на его свадьбе и скорее ехали к нему. А для скорой езды им мазь нужна будет. Поехали Финист с Марьюшкой домой. Едут они быстро, лошадям воздуха от ветра не хватает.

На половине дороги увидела Марьюшка своего батюшку и старших сестер. Они еще на ярмарку ехали и не доехали. Марьюшка велела им ворочаться ко двору, на свадьбу ее с Финистом — ясным соколом.

А через три дня собрался в гости весь народ, что жил на сто верст в округе; обвенчался тогда Финист с Марьюшкой, и свадьба была богатая.

На той свадьбе дедушки наши и бабушки были, долго они пировали, жениха и невесту величали, с лета до зимы не разошлись бы, да настала пора убирать урожай, хлеб осыпаться начал; оттого и свадьба кончилась, и на пиру гостей не осталось.

Свадьба кончилась, и свадебный пир гости позабыли, а верное, любящее сердце Марьюшки навсегда запомнилось в русской земле.